

Юлий БУРКИН Станислав БУРКИН

«Ну-ну, посмотрим, может ли
один из персонажей заменить
одного из авторов...»
Сергей Лукьяненко

Остров Русь 2, или Принцесса Леокады

Юлий Буркин

**Остров Русь 2, или
Принцесса Леокады**

«АСТ»

2009

Буркин Ю. С.

Остров Русь 2, или Принцесса Леокады / Ю. С. Буркин —
«АСТ», 2009

Эта книга – настоящий подарок для тех, кому понравились герои прикольной трилогии Юлия Буркина и Сергея Лукьяненко «Остров Русь». Это – новые приключения Кости и Стаса, их друзей Кубатая и Смолянина, сфинкса Шидлы и других – в прошлом и будущем, реальности и виртуальности, на Земле и на Венере. А также на таинственной и зловещей планете Леокада. В «Принцессе Леокады» герой «Острова Русь» Стас выступил как соавтор. Станислав, сын Юлия Буркина, – ныне писатель, лауреат национальной литературной премии «Дебют».

© Буркин Ю. С., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Предисловие.	5
Часть первая	18
Глава первая.	18
Глава вторая.	29
Глава третья.	33
Глава четвертая.	41
Глава пятая.	47
Глава шестая.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юлий Буркин, Станислав Буркин

Остров Русь 2, или Принцесса Леокады

— Ну-ну, посмотрим, может ли один из персонажей заменить одного из авторов... :)
Сергей Лукьяненко:

Настоящим и будущим детям и внукам

Предисловие.

О том, как мы замечаем разные странности и приступаем к спасению мира. И про гигантские глыбы льда

В тот вечер мы со Стасом отправились в кино на очередного «Терминатора». То, что на афише была приписка: «новая версия», беспокойства у нас не вызвало. Мало ли какие теперь бывают версии – то режиссерская, то «от Гоблина», то еще какая-нибудь. Новая так новая. Всяко лучше, чем старая.

Что Шварценеггера не будет, это мы заранее поняли, все-таки губернатор, не дело ему по экрану с берданкой скакать. Но мы думали, хотя бы терминаторша из третьей серии будет. Она, не смотрите что робот, девица хоть куда. При этом еще и ногами, и руками дерется, только шум стоит.

Но нет. Терминаторши тоже не было. А прилетел из будущего на этот раз какой-то пацан лет десяти. Хотя, конечно, и жидкометаллический. Но вместо того чтобы всех мочить, как давай он из всех сил со всеми дружить, старушек через дорогу переводить и подбирать бездомных собачек...

Мы со Стасом смотрели на все это безобразие, выпучив глаза.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он меня на ухо.

– Это какой-то хитрый ход, – догадался я. – Сначала он будет хороший, хороший, а потом всех котят передушит и покажет всем, где раки зимуют.

– Точно, – успокоился Стас. И мы стали смотреть дальше.

Но вот уже полфильма прошло, даже больше, а ничего не изменилось. Малец этот всем помогает и нотации читает. Просто достал.

Наконец о том, что прибыл новый терминатор, узнал Джон Коннор и сообщил об этом своей матушке Саре в психбольницу. Где ж ей еще быть? Та, конечно, сразу сбежала, нашла этого пацаненка и хотела его на каком-то заводе расплющить огромным прессом.

Вот это была правильная идея! Единственная правильная за весь фильм. Но не тут-то было! Пацаненок подарил Саре букетик незабудок и напомнил, что когда-то и ее сын тоже был таким же маленьким, как он. И повернуть рубильник у этой дуры не поднялась рука. Вот так вот.

Да-да, тут еще можно было думать, что хитрый ход продолжается, хотя и подзатынут... Но слушайте дальше! Когда Сара пошла на завод, она оставила Джона на стреме у входа – вдруг полиция или еще чего... И когда оттуда вышел этот маленький терминатор – целый и невредимый, Джон сразу решил, что мамочке его крышка, и пальнул в мальца из гранатомета. Да промазал.

Но зоркий глаз юного терминатора засек вылетевшую из ствола гранату, высчитал траекторию и установил, что она мчится напрямик в серого котенка, который жметя у входа в цех. И тогда он прыгнул навстречу гранате и закрыл котенка своей грудью.

Шарахнуло, котенок юркнул в здание, а пацана разорвало на несколько кусочков жидкого металла. И каждый из этих кусочков слился в нового пацана, только поменьше, и теперь их получилась целая орава – штук семь, но совсем уже маленьких, годика по два.

И все они стали хныкать, хлюпать носами и просить Джона: «Дяденька, дяденька, мы хотим домой...», «Дяденька, а где киса? Она хорошая...», «Дяденька, зачем ты в нас стреляешь, ты же добрый?..»

Тут Джона слеза прошибла, бросил он свое оружие, сел на землю и ревет. А жидкокристаллические детки вокруг него в кружок сбились, и ну его по головке гладить да конфеты в рот пихать, откуда только взяли. А тут и Сара с завода вышла, с букетиком.

Джон ее как увидел, так от удивления онемел. А она его обняла, детки-терминаторы завели вокруг хоровод, и все вместе грянули песенку. А переводчик загудосил:

– Будь и ты послушным, тихим,
Не дерись и не буянь,
Быть агрессором, ребята,
Это просто божья срань...

Я понял, что это конец фильма, и чуть не заорал: «Гады, верните деньги!» Хотя не в деньгах, конечно, дело...

Я посмотрел на Стаса, а у того аж зрачки позеленели и кулаки сжаты, будто он сейчас в экран влезет и отметелит всех этих терминаторов-беби вместе с Джоном, Сарой, режиссером, оператором и всей съемочной группой.

Тут под какую-то очень знакомую попсовую песенку на английском языке пошли титры, и в зале стал медленно загораться свет. Мы огляделись по сторонам и не поверили своим глазам. Лица у всех были довольные, счастливые, кое-кто даже подпевал. Да что ж это происходит-то, а?!

Пока по экрану шли титры, мы выползли на свежий воздух, перешли через дорогу и уселись на лавочку в небольшой аллейке. Я ожидал, что Стас начнет возмущаться, но вместо этого он сказал:

– Костя, а ты не заметил, что с людьми вокруг нас вообще что-то не то в последнее время делается?

– Нет, – признался я. – Например?

– Ну... Я вчера в церкви был. Там один батюшка проповедь читал. Рассказывал, какие замечательные братья наши во Христе – католики.

Я присвистнул и сказал:

– Ни фиги себе!

– Вот-вот, – кивнул Стас. – Прямо «глобальное подобрение» какое-то.

– Ну, глобальное оно или не глобальное, это еще рано говорить. Но что-то такое происходит, это факт.

– Да, надо внимательнее понаблюдать, – согласился Стас. – Усилить, так сказать, бдительность.

Только он это произнес, как из кустов к нашей скамеечке вышла толпа, человек десять, и окружила нас. Была уже почти ночь, но рядом на столбе светил фонарь, и мы отчетливо видели спортивные штаны с полосками, хмурые рожи и бритые головы.

– Закурить есть? – спросил тип, больше остальных похожий на гориллу.

– Нет, – сказал я, морально готовясь к драке. Драться я не люблю, но с детства знаю: в такой ситуации на жалость давить бесполезно.

– Не курим, – вякнул Стас. Вот же болван, сразу дал повод для наезда: «Спортсмены, что ли? А давай посмотрим, кто здоровее...»

– Не курите? – переспросил гориллоподобный и сплюнул. – Ну и правильно. Вредно это. А чего вы тут сидите-то?

«На нашей скамейке», – продолжил я про себя.

– Христос сидел и нам велел, – заявил Стас.

– Где это он сидел? – удивился тип. – Он же вроде висел.

– Тебя не спросил! – продолжал наглеть Стас. – Что вы к нам пристали? Хотим и сидим!

– А-а, – протянул гориллоподобный. – Ну, тогда другое дело, раз хотите. А то, может, по темноте идти боитесь. Может, до дому вас проводить? С нами не обидят.

У меня аж челюсть отвисла. Или он так шутит?

– Не надо нас провожать! – заорал Стас. Перенервничал, видно. – Смотрите, чтобы вас самих не обидели!

– Нас-то? – хохотнул гориллоподобный, и вся компания загоготала. – Кто ж нас обидит? Люди-то все добрые вокруг... Ну ладно. Не хотите – не надо. – Он снова сплюнул. – Пойдем мы тогда, поищем, кому другому помочь.

Тимуровцы!.. Вся стая, шаркая ногами, двинулась прочь по аллейке, а мы со Стасом переглянулись. Стало окончательно ясно, что глобальное подобрение наступает по всем фронтам.

* * *

Домой мы пришли поздно, папа с мамой уже легли, и мы тоже сразу завалились спать. О происходящем больше не говорили, потому что, кажется, оба чувствовали: грядут большие перемены. Но говорить пока не о чем, надо понаблюдать. Было тревожно, но лично мне это ощущение даже нравилось. Пять лет мы жили без приключений. А это, знаете ли, довольно скучно.

Я лежал и вспоминал о том, что изменилось в нашей жизни за эти годы, словно прощаясь с этим спокойным, но сереньким временем. Мама ушла из музея и организовала косметический салон «Нефертити». Слоган ему Стас придумал: «Не ищите целлюлит у мумий». А все потому, что в музее ей стало нечего делать: все мумии продали в частную коллекцию какой-то странной египетской личности. Почему странной? А вот вам нужна мумия, чтобы стояла в углу спальни и радовала взгляд вам и вашей девушке?..

Папа перестал искать следы инопланетян и древних цивилизаций, потому что один раз уже нашел, потому что упорный. Зато теперь он увлекается аномальными явлениями, лозоходством, целительством и еще черт знает чем. Периодически обнаруживает в себе всякие паранормальные способности, а по всем углам квартиры валяются разные энергетические рамки и номера газеты «Голос Вселенной». Я, бывает, ее тоже почитываю, а вот Стас терпеть не может, он ведь у нас теперь великий христианин и даже собирается после школы в семинарию.

А я пока не придумал, куда собираюсь. Не определился. Вот, пожалуй, и все наши новости. Не густо, согласен.

Проснувшись, я сразу подумал: что-то не так. А потом понял что. Я проснулся сам, хотя сегодня – будний день. Времени уже до фига, а папа с мамой перед уходом на работу нас почему-то не разбудили. Пожалели? Неужели тоже добренькими стали? Я растолкал Стаса и поделился с ним своими подозрениями.

– Боюсь, ты прав, – сказал он. – Давай-ка посмотрим, что в мире творится.

Он сел на кровати и щелкнул пультом телевизора. По Первому каналу шел клип Леокадии, и Стас немножко полюбовался на то, как она двигается. Да, классная. И голос приятный. Песни вот только идиотские.

– Давай, давай дальше, – поторопил я.

На Втором шли новости. Очень интересные новости. Диктор рассказывал, что отныне израильтяне и палестинцы – друзья навек, и показывали сцены их братания... Мы дождались следующего сюжета. Он был о том, что Гарлем в Нью-Йорке признан районом образцового поведения...

– Ужас, – сказал Стас и вырубил телик. – Да, у них-то это еще раньше началось: вон какого «Терминатора» сделали. А еще раньше – негра в президенты выбрали.

– Нет, но это же хорошо, – возразил я неуверенно, – ни войн, ни преступности теперь не будет...

– Дурак ты, – отозвался Стас. – К добру люди должны приходиться сами, по собственной воле. А это не доброта, а болезнь какая-то заразная получается.

– Думаешь?

– Да факт! Они заболели, а мы – пока нет.

– А вот это, между прочим, не факт, – заметил я. – С чего ты решил? Вдруг ты уже тоже стал добреньким?

– Почему я?! А ты?

– Я – нормальный.

– А чем докажешь?

– Ну, могу, например, дать тебе в лоб прямо сейчас. А ты смог бы?

Не успел я это произнести, как получил такую затрепину, что искры из глаз посыпались.

– Ах ты гад! – замахнулся я, но Стас отпрыгнул, встал в стойку кибачи и быстро сказал:

– Это был научный эксперимент. И хватит об этом. Мы уже прекрасно убедились в том, что мы не изменились. Ты агрессивен, это очевидно. Этого вполне достаточно!

Но я уже и без него остыл.

– Ладно! – махнул я рукой. – Мы оба нормальные, это факт. Пойдем-ка на улицу, на людей посмотрим...

Мы быстро оделись и вышли. Народ по тротуару двигался как-то сонно и вяло. И машины тоже.

– Все ясно, – сказал Стас. – Знаешь, сколько людей ежечасно в ДТП гибнет?

Мы свернули за угол и обнаружили возле мини-маркета небольшую толпу. Тут народ часто тусуется, выпивает. Но сегодня здесь было особенно шумно, как будто люди собрались на митинг. И по всему было видно, что они – нормальные. Разговор был на самую что ни на есть актуальную тему, потому мы примолкли и стали слушать.

– ...Я с такой бабой жить не согласен! – говорил один пролетарского вида товарищ. – Раньше была баба как баба. Настоящая! Приду домой пьяный, она на меня наорет, да еще и скалкой в глаз заедет. А теперь что? Сама мне спирт в аптеке покупает! Лекарство, говорит. Позор, да и только...

– И чего тебе не нравится? – встрял другой, слегка припухший.

– Как это? – удивился первый. – Непорядок. Всякий характер человек потерял. Не женщина, а кукла какая-то!

– Ну, это еще ладно, – заявил припухший. – Вот на работе у меня что делается, это да! Атас просто. Я на птицефабрике тружусь. Трудился... Накрылась моя работа, ядрить вашу мать, третий день уже пью, поминаю.

– Что, никто кур резать не хочет? – догадливо прищурился пролетарий.

– Хуже! – сморщился припухший. – Они их, понимаешь, на волю выпустили! Директор самолично плакат нарисовал: «Свободу пернатым!» Эти чокнутые с ним по фабрике прошли

и все клетки открыли. Я им объясняю: это же не чайки, ядрить вашу мать, куры это! Они ж все равно передохнут на воле, только зазря! Нет, им хоть кол на голове теши. Это их личное право, говорят. Всех повыпускали!

– Может, это птичий грипп на людей перекинулся? – крепко обняв сумку, предположила пожилая женщина.

– Да не! – выкрикнул кто-то. – Я слышал, это комары какие-то народ покусали.

– Какие комары?! – вклинился в беседу смуглый, по-военному подтянутый мужчина. – Теракт это! Враги воду отравили. Они ж нас, добреньких, голыми руками теперь возьмут!

– А если в кране нет воды, значит, выпили, простите, жида? – задал риторический вопрос дяденька интеллигентного, но потрепанного вида. – Это, смею вас заверить, откровеннейшая демагогия! Если бы дело было в воде, тогда почему беда не коснулась нас с вами? Меня, например?

– А ты, профессор, когда в последний раз воду-то пил?! – возразил «офицер».

Интеллигент смущенно взъерошил волосы, но не отступил:

– Вода, с вашего позволения, содержится в любых напитках!

– Оно, конечно, так! – вмешался пролетарий. – Однако сдается мне, алкоголь эту заразу убивает. Я вот, например, безалкогольных напитков не пью уже лет сорок и, как видишь, человеком остался.

– И я воду не пью... И я! – загомонили вокруг. – А я и пиво-то редко...

– Что ж, ваша гипотеза кажется вполне жизнеспособной, – признал интеллигент. – Вот только чем вы, любезнейший, докажете, что вас действительно не коснулось это... Э-э-э... – Он запнулся, пытаясь найти подходящее слово.

– Подобрение, – подсказал Стас.

– Вот-вот! Подобрение! Спасибо за термин, молодой человек.

– Получи доказательство! – рявкнул пролетарий и так вlepил ему в ухо, что тот едва не свалился с ног. Но удержался, резко принял боксерскую стойку и стал подсакивать, как какой-то неадекватный Тайсон. Пролетарий удивился, опустил руки и тут же получил в глаз. И они стали мутузить друг друга так, что только перья в стороны полетели. Народ, окружив дерущихся, азартно болел. Видно, здорово уже по агрессии люди соскучились.

– Прямо как мы с тобой, – заметил Стас. – Такие же придурки.

– Ну а как по-другому проверишь? – заступился я.

В самый разгар потасовки у меня из кармана запел голосок Леокадии: «Кис-кис, брысь, кис-кис, мяу...» Только вчера этот рингтон себе закачал.

– Алле?! – крикнул я в трубку, прикрыв ее рукой, уж очень народ шумел.

– Костик, – услышал я мамин голос. – Вы проснулись?

– Да, конечно, – говоря, я немножко отошел в сторону. – А чего это вы нас не разбудили?

– Ну... – смутилась мама. – Жалко было... Чем занимаетесь?

– Да так, ничем. Отдыхаем.

– А, ну молодцы. Отдыхайте. Я к обеду домой вернусь, что-нибудь вкусненькое приготовлю. Хухры-мухры¹?

Та-ак... Совсем с ней плохо. Она с нами по-древнеегипетски пять лет не разговаривала.

– Хухер-мухер, ардажер², – ответил я таким голосом, каким беседуют с тяжелобольными, и отключился.

А когда сунул мобильник в карман и вернулся, то оказалось, что все кардинально изменилось. Пролетарий и интеллигент стояли, смущенно потупившись, а люди в окружавшей их толпе ласково улыбались друг другу.

¹ Хорошо? (возм., др.-египт.)

² Хорошо, мама (возм., др.-египт.)

– Вот теперь верю, теперь мы – нормальные, это уж точно, – сказал пролетарий.

– Как славно! – воскликнул интеллигент. – Как все-таки славно, что мы смогли избавиться от разъедавшей наши души вражды! А ведь еще минуту назад мы готовы были нанести друг другу самые тяжкие телесные повреждения!

– Вот что, дружище, – смущенно сказал пролетарий, – пойдем-ка со мной. Тут неподалеку есть кафе-мороженое. С детства в таких не бывал, а теперь вот захотелось. Угощаю всех.

Очередь встретила это предложение овациями.

– Почему бы и нет? Пойдемте! – воскликнул интеллигент. – Не вижу оснований отвергать приглашение такого прекрасного человека. Не пить же, действительно, вредное для здоровья пиво. То ли дело – пломбир со взбитыми сливками.

Взявшись за руки, они двинулись прочь, а за ними потянулись и остальные. Мы же со Стасом стояли совершенно убитые.

– Почему?! – наконец заорал Стас. – Что с ними случилось?!

– Я-то откуда знаю? – откликнулся я мрачно и сел на скамейку.

– Знаешь, что я думаю? – сказал Стас, садясь рядом. – Я думаю, у этой болезни длинный инкубационный период. Как у свинки, например. Может, мы с тобой уже тоже заразились, но подберем позже.

– И что, у них у всех одновременно инкубационный период закончился?

– Да, ерунда какая-то получается, – согласился Стас. – Значит, все-таки что-то происходит именно в момент подбора... Какое-то воздействие. Облучение, что ли...

– Если облучение, – сказал я, – то возникают два вопроса: что это за облучение и почему оно не берет нас.

– Облучение... Обучение... – повторял Стас, слегка покачиваясь. – Мобильник дает какое-то облучение, но если бы дело было в нем, все бы уже сто лет назад подобрали...

– Постой! – воскликнул я. – А ведь когда они подобрали, я как раз с мамой по телефону разговаривал!

– Что-то в этом есть... Что-то есть... – пробормотал Стас.

И вдруг меня осенило.

– Песенка! – заорал я и даже вскочил на ноги.

– Какая еще песенка? – снизу вверх уставился на меня Стас.

– Про «кис-кис»! Песенка Леокадии! Она же везде! Она и на английском есть! И в «Терминаторе» этом уродском на титрах как раз она шла, непонятно с какой стати!

– Точно, – прошептал Стас. – Точно. Костя, ты – гений.

Мы замолчали и двинулись в сторону дома. Не знаю уж, о чем думал Стас, а я думал о том, что моя догадка выглядит очень убедительно. Эта песенка уже несколько дней крутится по всем радиостанциям на двух языках, и клип – по всем каналам.

Я даже расстроился. Песни у Леокадии, конечно, тупые – самые что ни на есть попсовые, но голос приятный, и на мордочку она миленькая... На вид – лет шестнадцать, только это обман, конечно. Как-то мы со Стасом об этом разговорились, и я ему сказал:

– Стас, она – старуха, я тебе точно говорю! Это все вранье и спецэффекты.

– С чего ты взял? – насутился он. Ему-то она нравится еще больше.

– Да уж слишком профессионально танцует. Какая там Бритни Спирс, там Волочкова отдыхает. А что она на компьютере «подчищена», так этого никто даже не скрывает. Вспомни, как у нее цвет глаз все время меняется!

Но Стас мне в тот раз, по-моему, не поверил.

Мы вошли в наш двор и снова уселись на скамейку. Выходит, в эту песенку заложена какая-то программа, типа двадцать пятого кадра? Тогда ясно, почему алкаши так долго держа-

лись: радио не слушают, телевизор не смотрят, а если смотрят, то только футбол и уголовную хронику... Додумать я не успел, потому что Стас тихонько ткнул меня в бок:

– Есть возможность проверить.

Когда я увидел, кто к нам приближается, то сразу понял, что он задумал. Шла соседская бабка, которую мы в детстве прозвали Горгоной. Уже тогда даже самые отчаянные пацаны боялись ее дразнить, потому что она и палкой могла огреть, и кирпичом запустить. Сколько себя помню, ни разу не слышал, чтобы она говорила спокойно, без ругани.

Немного волнуясь, я достал из кармана телефон, нашел опцию «звук», там – «вызов» и нажал на «ввод».

Милый, милый, милый,
Поцелуй меня, —

запел звонкий, почти детский голосок Леокадии, и я выставил трубу перед собой.

Милый, милый, без тебя
Я не могу ни дня.

Милый, помнишь, мы в «кис-кис»
Играли во дворе?
Нравится такой сюрприз
Не только детворе...

Кис-кис, брысь,
Кис-кис, мяу!

Горгона остановилась как вкопанная.

Кис-кис, брысь,
Кис-кис, мяу!

Горгона повернулась к нам. «Будет нам сейчас сюрприз, – подумал я мрачно, – будет и кис-кис, будет и мяу...» Но старуха молчала. На короткий миг в ее глазах мелькнул настоящий ужас. Потом они вдруг остекленели, как у куклы. Потом исказился, обнажая золоченые челюсти, рот:

– Ага! Хулиганите, – констатировала она голосом Бабы Яги, искоса смерила нас взглядом и стала копаться в своей чудовищной торбе. – «Сникерс» хотите?

Мы, признаться, несколько растерялись и не нашли, что ответить. Наконец она выудила помятый батончик, сдула с него какой-то мусор и, щурясь на один глаз, добавила:

– Шоколадочку американскую?

– Нет, спасибо, бабушка, – сказал я, чувствуя, как волосы у меня встают дыбом.

Мы разом поднялись со скамейки и быстрым шагом двинулись к подъезду.

– Не хотите, как хотите! – крикнула Горгона нам в спину. – Сама съем, не побрезгую!

– Уф-ф, – выдохнул Стас на лестнице. – Ужас. Мне так страшно никогда в жизни не было.

– Мне тоже, – признался я.

– Но замечь, – сказал он. – Мы-то – не добреем!

– Не добреем, – согласился я. И тут же засомневался: – А точно?

– Точно, точно, – сказал Стас. – Хочешь, я тебе по башке дам?

– Нет, не стоит, – покачал я головой. – И так верю.

– А знаешь что? – встрепенулся Стас. – А ведь в мире, получается, еще довольно много нормальных людей осталось!

– С чего это ты решил?

– Раз все из-за песенок, то ведь есть глухие! Они-то Леокадию не слышат!

Нет, все-таки Стас у меня – голова! Мы поднялись домой, я машинально включил телевизор, и мы буквально прилипли к экрану, потому что там шла чрезвычайная пресс-конференция правительства, и она как будто продолжила наш разговор. Хотя и не сразу.

За длинным столом Кремлевского дворца во главе с премьером сидели министры с ноутбуками.

– Итак, подведем некоторые итоги, – сказал премьер. – Рыболовецкий флот упраздняем, никто не против?

Министры не отозвались, что-то дружно обсуждая между собой. Тук-тук-тук – постучал премьер по столу, и те притихли.

– Мы сюда работать пришли или что? – спросил он строго. – Тех, кто пришел поболтать, мы сюда больше не позвоим. Повторяю вопрос. Рыболовецкий флот упраздняем, потому что рыбку жалко, так? Тут нет возражений?

Министры дружно замотали головами.

– Отлично. Люблю, когда согласованно. Что дальше? Внешний долг нам простили, и мы всем тоже все простили, тут ясно... С массовыми требованиями опасных преступников заменить им срок на высшую меру мы тоже вроде разобрались. Пусть сами что хотят, то с собой и делают, никто этим специально заниматься не будет. Что еще? Наркодилеры мешками раздают наркотики... Тут тоже ничего страшного: все равно никто не берет, потому что они вредные. Что еще?

– Еще верующие, – подсказал один из министров. – Уговаривают случайных прохожих предать их мученической смерти.

– Не все, я надеюсь? – уточнил премьер.

– Только некоторые, – подобострастно кивнул министр.

– Вот и слава богу, – двусмысленно сказал премьер. – Я думаю, беды большой в этом нет, потому что никто их слушать не станет.

– Так жалко же их. Они плачут, в ногах валяются... Некоторые все-таки не выдерживают, берут какую-нибудь штучковину потяжелей...

– Хорошо, хорошо, я поговорю с патриархом... – нетерпеливо кивнул премьер, перебирая бумажки. – Вот! – воскликнул он, держа одну. – Добычу нефти, газа и угля однозначно прекращаем, да? Хватит нам уже истощать недра планеты. Так?

– А где деньги будем брать? – робко спросил кто-то из журналистов.

– Деньги?! – воскликнул премьер так, словно его спросили о какой-то безделице. – Ну, если понадобятся, где-нибудь, наверное, уж возьмем. У олигархов, например. Мне только сегодня двое звонили, взять уговаривали! Что у нас там дальше по списку?

Мы со Стасом ошалело уставились друг на друга.

– Конец мировой экономике! – сказал Стас. – Хана!

Мы снова вперились в экран. Что-то мы пропустили, потому что разговор перекинулся как раз на глухих.

– ...Что значит «не слышат»? – строго спросил премьер, отзываясь на чью-то невнятную реплику. – Не слышат – заставим. В смысле... Э-э... Попросим. Я консультировался с медиками и ответственно заявляю, что процент по-настоящему глухих людей крайне низок. Большинство так называемых глухих являются слабослышащими. Улавливаете разницу? Слабо, но слышащими.

– Господин премьер, – обратился к нему сухошавый и подтянутый человек, кажется, министр иностранных дел. – А есть ли принципиальная разница между глухими и слабослышащими, если последние слышат настолько слабо, что нас они не слышат вовсе?

– Я, конечно, не специалист, – кокетливо прищурился премьер, – но передовая отечественная наука, господин министр, не стоит на месте. Да что там говорить о новейших достижениях, если у нас на вооружении давным-давно имеется элементарный ме-га-фон. Подходишь к такому, извините, слабослышащему, подставляешь ему к уху мегафон и говоришь все, что он должен услышать.

– А если он не хочет?

– То есть как не хочет? Гражданский долг, по-моему, еще никто не отменял. А тех, кто не понимает значение этих слов, мы должны, как вы уже, наверное, догадались, мочить... Э-э... Ну, не в том, конечно, смысле, мочить, а как бы вам это объяснить... Э-э...

– Водичкой, – подсказал кто-то.

– Вот именно, – кивнул премьер благодарно. – Чтобы в себя пришли.

– Газета «Правда и истина», – раздался женский голос. – Господин премьер-министр, но будет ли такой подход действенным? Разве мокрый глухой менее глухой, чем сухой?

– Очень верное замечание, – отозвался тот. – Более того. Возможно, интересы государства требуют сегодня даже большей жесткости, чем всем нам хотелось бы. Возможно, мочить следует не в прямом смысле, а, так сказать, в переносном... Ну а менее ли глухой мокрый, чем глухой сухой, это, знаете ли, вопрос скорее философский, чем насущный. Но я обязательно предложу разобраться с ним президенту.

– Ничего не понял! – потряс головой Стас.

– Думаешь, он сам понял? – отозвался я. – Он же специально запутывает. У него работа такая – делать вид, что все под контролем. А то паника начнется.

– Кстати, – продолжал премьер, – а как у нас там обстоит дело со слуховыми аппаратами? Доложите, Красномордин, – обратился он к полному, похожему на шкаф мужчине с соответствующим цветом лица.

– Так не носят же! – вскочил тот. – У нас же как? Надо как надо, а все как один!

– Спасибо, – скептически произнес премьер. – Вы у нас известный мастер афоризма. Раздались жидкие овации, смешки и гул голосов.

– Слушай, они что, вместо того чтобы бороться с подobenием, думают, как глухих подобить?! – спросил меня Стас. Я пожал плечами и предположил:

– Просто они сами уже добренькие, вот им и кажется, что это нормально.

Стас сделал большие глаза. Тем временем премьер постучал по столу и осадил весельчаков:

– Дома наговоритесь! У кого еще имеются соображения по существу вопроса?

– Позвольте мне, – поднялся молодежавый улыбчивый человек, похожий на индейца.

– Пожалуйста, пожалуйста, господин Втайгу.

– Господин председатель правительства, мне кажется, более важной проблемой является не то, как заставить глухих слушать, а определиться, ЧТО они должны услышать, чтобы перестать быть такими нехорошими.

– Костя! – воскликнул Стас. – И про Леокадию они, выходит, тоже не знают!

Я согласно кивнул.

– Не понял? – нахмурился премьер. – Мне доложили, что суть проблемы такова: те наши граждане, которые слышат, противоправных поступков не совершают, а вот те, кто не слышит, – представляют угрозу для общества.

– Это не совсем так, господин премьер, – настойчиво сказал Втайгу. – Противоправные поступки сейчас совершают все, но те, кто слышит, делятся с остальными, а вот глухие – не делятся. Бандами глухих захвачены ГУМ, Бабаевская шоколадная фабрика и ряд других стра-

тегически важных объектов помельче. И они туда никого не пускают. А на другие объекты люди заходят спокойно и выносят все, что им нужно.

– Меня неверно информировали, – сказал премьер беспокойно. – Наверное, не хотели меня расстраивать... Вы, Кожемяка Гермагентович, садитесь, садитесь, в ногах правды нет... Я вас, простите, не обидел? О вашей кристальной честности нам хорошо известно. Это не про ваши замечательные ноги сказано. Это пословица такая. Нашего замечательного народа.

– Позвольте вмешаться, – раздался высокий голос, и на экране возник толстенный розовощекий человек.

– Валяйте, – разрешил премьер.

– Я понимаю, что отклоняюсь от темы, но то, что я скажу, кажется мне весьма важным.

– Что именно? – нахмурился премьер.

– Дело в том, что в связи с изменением поведения наших граждан наметилась и еще одна нехорошая тенденция.

– Какая? – спросил премьер. – Только, пожалуйста, не расстраивайте меня еще сильнее. Я вас предупреждаю.

– Я постараюсь, – кивнул розовощекий. – Дело вот какое. Наши граждане в последнее время практически перестали заниматься, простите, сексом...

– То есть у нас его снова нет? – хихикнул премьер. – Как раньше, в Советском Союзе?

Журналисты загомонили.

– Вот именно, – подтвердил министр, повышая голос. – А это не может не повлиять на демографическую ситуацию...

– Знаете что, – нахмурился премьер. – Не сгущайте. Мы с вами не вправе вторгаться в интимную сторону жизни наших граждан. У нас не полицейское государство. Или, может, – игриво погрозил он пальцем, – вы переносите на государственный уровень свою личную проблему? – Журналисты зашумели еще громче. – Демографический вопрос, господин министр, у нас и раньше стоял, и еще, извините, постоит... – посерьезнел премьер. – Что-то еще у вас есть?

– Да много чего, – пробормотал смущенный чиновник. – Одни хирурги операции делать отказываются, другие, наоборот, любую болячку эфтаназией лечат...

– Вот и разберитесь с этим сами. Привыкли, понимаете, что за вас каждую мелочь решают! Зря вы перебили Кожемяку Гермагентовича. Так как вы сказали, господин Втайгу? Проблема в том, ЧТО должны услышать глухие?..

Тут Стас треснул по пульту, и телевизор отключился.

– Ты чего? – удивился я.

– Костя, а ведь мы вымираем, – зловещим голосом сказал он.

– Да брось, с чего ты взял?

– Фрейда надо читать! – заявил он так, как будто сам его читал. – Секс и агрессия – вещи взаимосвязанные!

– Ерунда это все, по-моему.

– Что значит «ерунда»? Ты слышал, что министр здравоохранения сказал?

– Мало ли что он сказал. Да даже если и так, это все равно ничего не значит. Ну, станут люди этим в десять раз реже заниматься, зато про противозачаточные средства добренькие точно забудут. Не выйдем.

– То есть тебя все устраивает?

– С чего ты взял? Все это мне сильно не нравится. Люди становятся какими-то безвольными, бессмысленными идиотиками...

– Короче, мир, Костя, надо спасать, – заявил Стас веско.

– И спасать его будем мы? – уточнил я.

– А кто ж еще?! – усмехнулся он. – Конечно, мы. С Кубатаем и Смолянином было бы сподручнее, но где ж их взять-то?

– А от кого спасать?

– «От кого, от кого», – передразнил Стас. – От злодеев, от кого же еще! От тех, кто эту песенку выдумал, чтобы поработить человечество.

– И кто это? А, понятно. Инопланетяне, – сказал я скептически.

– «Голоса Вселенной» начитался, – констатировал Стас и вздохнул. – Я не знаю, кто это... – и вдруг, шлепнув ладошкой по столу, он воскликнул: – Зато я знаю, кто нам сможет это сказать!

– Кто?

– Леокадия, Костя! Надо ехать в Москву и искать ее!

Стас забежал по комнате, бормоча:

– Подожди, подожди, подожди...

Когда на него нападает вот такая бешеная лихорадочность, его лучше не трогать. Он схватил телефон и набрал 09.

– Алле! Девушка! Мне нужно срочно позвонить в Москву, в «Останкино»! Да-да, телецентр! Куда? В приемную генерального директора, конечно!

Я понял ход его мыслей. Действительно, по Первому Леокадию крутят непрерывно.

– Да, я знаю, знаю, что не даете. Но мне очень, очень надо... Ну, пожалуйста! Ну, девушка! Если не дадите, мне будет очень-очень плохо... – В его голосе слышались надрывные нотки... – Хорошо, хорошо, я подожду!

Он прикрыл трубку ладошкой и скомандовал:

– Бумажку и ручку! – потом добавил: – Все-таки есть кое-какие плюсы в том, что люди стали добренькими. Хрен бы она раньше мне стала этот номер искать... Да?! – вернулся он к разговору с трубкой. – Да, записываю!

– На! – сунул он мне в нос трубу и бумажку. – Звони генеральному. Его фамилия Эрнестов. Я про него передачу видел, как он свою карьеру на телевидении начинал. – Стас говорил, пока я послушно набирал код Москвы и номер. – Носильщиком. Они с другом в две смены работали – один заносильщиком, другой выносильщиком, потом наоборот...

– Алле?! Слушаю вас? – раздался в трубке предельно приветливый женский голос, и я показал Стасу, чтобы он заткнулся.

– Я хочу поговорить с Эрнестовым.

– К сожалению, он в командировке, но я могу соединить вас с его заместителем Хемингуэвым. Как вас представить?

– Э-э... – замялся я. – А можно без представления?

– Конечно!

Я прямо зрительно представил себе ее ослепительную улыбку.

– Это я по привычке спросила. Шеф будет счастлив поговорить с вами и без всякого представления.

В трубке заиграла музыка.

– Эрнестова нет, – сказал я Стасу, прикрыв трубку, – есть какой-то Хемингуэв...

– Вот-вот, – кивал Стас, – вот с ним они по очереди и работали...

Музыка прервалась, и в трубке раздался хриловатый мужской голос:

– Да-да?

– Здравствуйте, – сказал я, слегка смутившись и снова затыкая Стаса. – Простите, пожалуйста, я звоню издалека... Скажите, как мне найти певицу Леокадию?

– Леокадию... Леокадию... – повторил голос. И вдруг заговорил быстро и горячо: – Всякий бы хотел знать! Мы ее и сами мечтали к рукам прибрать! У нее ж популярность бешеная, Зефирова отдыхает! Рейтинг просто невыносимый. Золотая жила. Но никто не знает, где ее искать.

– Как же так? – удивился я. – Она же по всем каналам выступает!

– Так ведь не живьем! Это все клипы! Концертов она не дает, а ролики на все каналы приходят неизвестно откуда. И за непрерывную ротацию бабки перечисляются просто чумовые! Чумовые!!!

Стас прав, в подобении есть и плюсы. Фиг бы он со мной так раньше откровенничал. Скорее всего вообще бы разговаривать не стал.

– А от кого они перечисляются? – поинтересовался я.

– В том-то и дело, что никто не знает от кого. Но по секрету вам скажу, всем известно, что ведет ее продюсер Перескоков.

– Дайте мне его телефон, – попросил я.

– Чей? – холодно отозвался Хемингуэв. Я почувствовал, что сделал что-то не так, но все равно пояснил:

– Продюсера Перескокова.

– Что-то мне не хочется, – с поразительной для добренького честностью признался телевизионщик. – У меня-то не получилось найти Леокадию, вдруг у вас получится...

– Я сказал, дайте телефон! – потребовал я более настойчиво. – Дайте!

– Не дам.

– Дайте, или я что-нибудь с собой сделаю!

– Ладно, ладно, пишите!

И он продиктовал.

По следующему номеру снова звонил Стас. Разговор с Перескоковым был подозрительно коротким. Стас что-то записал и отключился.

– Не человек, кремень, – сказал он. – Вот адрес. Разговаривать о Леокадии он будет только при личной встрече.

Еще десять минут сидения на телефоне помогли нам выяснить, что авиаперевозки ввиду их высокой рискованности отменены, но поезда пока еще ходят. И московский рейс отправлялся через пятьдесят минут. Если мы сядем на него, то в столице будем завтра утром.

– Надо ехать! – воскликнул Стас. – А то и поезда отменят!

Сборы заняли ровно три минуты. Маме мы позвонили уже по пути на вокзал. Наш отъезд ее, похоже, ничуть не удивил и не огорчил.

Времени на покупку билетов у нас не было, но в пустом вагоне никто нас о них и не спросил. До отправления было еще несколько минут, а наш вагон был первый от головы состава, и Стас заявил:

– Костя, что-то у меня душа не на месте! Вдруг машинист добренький, мы тогда три дня ехать будем, а потом еще и не доедем... – говоря это, он уже выбрался обратно на перрон и побежал вдоль локомотива.

– Постой! – крикнул я, но куда там, он уже лез по лестнице в кабину. Вот он постучал, распахнулась дверца, и здоровенный детина-машинист рывкнул:

– Чего тебе?!

– Про-про-простите, – перепугался Стас, – а мы по расписанию поедem или как?

Нецензурные выражения в ответе машиниста я буду, как это делают по телевизору, «запикивать»:

– Ты что о... <ПИК!>, придурок е... <ПИК!>? Три минуты до отправления! Пошел на <ПИК!>, пока я тебе не у... <ПИК!> как следует!

Стас кубарем скатился вниз, и через минуту мы сидели в вагоне.

– Ф-фу... – облегченно выдохнул Стас. – Слава богу, нормальный!

Поезд тронулся, и мы проводили взглядом уходящий в прошлое город. Потом застелили нижние полки и завалились на них. Мы лежали молча, пока я не высказал вслух назойливую мысль о том, что все происходящее все-таки действительно происки инопланетян.

– С чего ты взял? – скривился Стас.

– Ну а кому еще нужно, чтобы такая ерунда случилась сразу во всех странах? – пояснил я. – Если бы только в России, я бы сказал, американцам или там китайцам. А если это на всей Земле, значит, виноватых надо искать за ее пределами.

– Про китайцев, между прочим, мы, кроме Олимпийских игр, ничего не знаем, – сказал он, – да и про многие другие страны. Про Зимбабве, например. Может, это негры устроили?

– А на фига им это надо?

– А я откуда знаю? На фига талибы белый порошок с чумой в конвертах рассылали? Не, я думаю, это все-таки кто-то наш. Сильно хило для инопланетян. Инопланетяне масштабнее должны мыслить.

– Например? – поинтересовался я.

– Например, они устроили бы какое-нибудь ужасное стихийное бедствие, – сказал Стас. – Типа град размером с арбузы. Только представь: глыбы льда падают с неба, проламывают крыши домов, сминают автомобили... А Брюс Уиллис в последний момент выводит президента США через секретный ход к тайному подземному аэродрому...

– Ну и как, интересно, они полетят, если с неба льдины валятся?

– Маневрировать будут. С риском для жизни! Ты что, Брюса Уиллиса не знаешь?! Ему и огонь, и лед нипочем! Не, но это если бы в кино, а если на самом деле, то все – конец нам.

– А почему именно лед? Почему, например, не камни или не песок? Или, если уж тебе масштабности хочется, не гигантские алмазы?

– Откуда у них столько алмазов? – со знанием дела усмехнулся Стас.

– Из другой галактики! – легко объяснил я. – Там этих алмазов, как у нас воды в океане, даже больше. Они запустили гиперпространственный тоннель и через него качают алмазы на Землю.

– Нет, не пойдет! – возразил Стас. – Лед экологичнее. Им же Земля чистенькая нужна. Алмазы твои все завалят, фиг разгребешь, а лед растаял – и все. Они базируются на Южном полюсе, там режут лед и швыряют его во все стороны. Знаешь, что нас может спасти? Глобальное потепление! Нужно заправить ракету фреоном и запустить, чтобы она над Южным полюсом взорвалась. Озоновая дыра станет больше, Земля потеплеет, полюс растает, и им негде станет брать лед.

– Ага. А Японию затопит.

– Да и фиг с ней. Зато Землю спасем.

Тут я пришел в себя:

– Стас, потепление нам не поможет, потому что мы должны бороться с подобрением!

– Да брось! – воскликнул он. – Подобрение – это ерунда, детский лепет! А вот когда ледяные глыбы с неба валятся – это да!

– Но они не валятся, Стас, очнись. Ты ведь это сам только что придумал!

Он помолчал. Потом сказал:

– Но, согласишься, здорово придумал? – Он задернул на окне штору, отвернулся носом к стенке и пробормотал напоследок: – Намного лучше твоего дурацкого подобрения.

– С чего это оно мое? – удивился я. Но он молчал и делал вид, будто спит. Тогда и я отвернулся к стенке.

Часть первая

Добрые ужасы

Глава первая.

О ласковых ментах, громкой музыке

и экстремальных видах спорта

Я проснулся под скрип и скрежет тормозов, крепко обо что-то треснувшись. Оказалось, о подставку столика: поезд дернулся, и я слетел с полки.

– Стоп-кран! – прошипел Стас. Он хоть и не упал, потому что лежал на другой стороне купе, зато сверху на него свалился свернутый матрас с подушкой и одеялом. Это, конечно, не больно, но перепугался он не меньше.

Поезд встал как вкопанный, и послышалось испуганное кудахтанье проводницы. Мы обулись и выползли в коридор.

– Что случилось? – спросил я полную, похожую на курицу тетку – то ли подобревшую, то ли глуповатую от природы. – Далеко до Москвы?

– Да совсем не далеко! – воскликнула она, всплеснув руками. – Мы уже по перрону ехали!

– Шли, – поправил я машинально.

– Это они шли, а мы ехали! – непонятно сказала она, отпирая дверь.

Это было самое-самое начало перрона, и до вокзала предстояло еще топать и топать. Не став выяснять причину преждевременной остановки, мы спрыгнули на асфальт и двинулись вперед. Но когда миновали локомотив, увидели такое, что просто остолбенели. Прямо на шпалах, в метре от тепловоза, взявшись за руки, стояли мальчишка и девчонка лет четырех.

Чуть дальше на шпалах копошилось еще с десятков ребятишек. Еще тут была молодая женщина приятной наружности, а перед ней стоял наш машинист и орал:

– Да ты что, твою мать, обалдела! Куда ты, <ПИК!>, смотришь?! Тебе люди детей своих доверили! Да я ж, е... <ПИК!> тебя в спину, чуть их всех не перемолол, как, <ПИК!>, котят для пирожков!!!

– А что я могла сделать? – воскликнула та. – Дети захотели посмотреть на паровозики, не могла же я им отказать! А когда пришли на вокзал, я рассказала им, какой красивый город Санкт-Петербург, и они туда захотели.

– Пешком, что ли?! – не поверил своим ушам машинист.

– А что я могла сделать? – повторила свою присказку горе-воспитательница. – Все рейсы до Петербурга отменили! И не кричите на меня! Ничего дурного, кстати, не случилось!

– Да что ж это с людьми-то делается?! – поразился детина, хлопнув себя по бокам, а потом гаркнул: – Веди детей домой, дура!

– Я пробовала, они не идут! – отозвалась женщина. – Не могу же я их заставлять!

– Да что ж это?! – потрясенно и искательно глянул машинист на нас.

– Дети, слушайте меня! – крикнул Стас, и ребятишки обратили свои улыбочивые взгляды на него. И вдруг Стас захныкал, почти зарыдал: – Мне так плохо, так плохо от того, что вы не идете домой! – запричитал он. – Если вы сейчас же не пойдете домой, я, наверное, буду долго плакать, а потом уму! А-а...

Ребятишки зашвыркали носами, быстро организовались, разбились на пары и потопали по шпалам к вокзалу. Замыкавшая процессию воспитательница сердито глянула на Стаса и бросила:

– Как это низко – обманывать детей!

Минут пять я, Стас и машинист стояли молча, провожая их взглядами. Потом я спросил железнодорожника:

– Вы правда не знаете, что происходит?

– Понятия не имею, – яростно пожал плечами тот. – Вижу только, что все дурачками какими-то прикидываются!

– Они не прикидываются, – отозвался Стас.

– Слушайте внимательно, – сказал я. – Почти все люди заболели. Нам и вам просто повезло. Если вы хотите остаться нормальным, заткните чем-нибудь уши, так, чтобы ничего не слышать, старайтесь не включать телевизор, приемник и вообще лучше сидите дома.

– Ты это серьезно? – уставился машинист на меня. – То-то я удивляюсь, что меня сменщики не сменили. Серьезно, выходит...

– Серьезно, – подтвердил я.

– А в чем зараза?

– В одной песенке.

– В какой?

– Раз вы нормальный, значит, вы ее не слышали. «Кис-кис, мяу» Леокадии.

– Не слышал, – признался машинист.

– А услышите, вам уже все по барабану будет, – сказал Стас.

– Спасибо, ребята! – воскликнул машинист, трясая нам руку. – Я себе уши изолентой замотаю и пешком домой пойду! Я ж не москвич.

– Поставь себе крестик, – сказал Стас. – Одного человека ты от подобрения уже спас.

Я пожал плечами. Один спасенный в этой ситуации – достижение невеликое. По пустому перрону мы протопали до вокзальной площади, и здесь это стало особенно очевидно. Народу тут была тьма-тьмущая, и сразу мы убедились, что подбрение в столице приняло характер катастрофы. Правда, сами москвичи об этом, похоже, не догадывались.

А жара в Москве стояла еще страшнее, чем у нас. Ведь даже на пляже чем больше людей, тем противнее. И площадь, и шоссе перед ней были плотно забиты неподвижными машинами. Затор не имел ни конца ни края, и я даже подумал, что, возможно, в одной гигантской пробке стоит сейчас весь столичный транспорт.

Несмотря на это, вместо злобных окриков и нетерпеливых сигналов над всем этим зрелищем витал дух какой-то безмятежной ярмарки. Водители, выйдя из машин, любезничали, высокопарно уговаривая друг друга проехать первыми, и движение протекало еле-еле. Многие просто загорали прямо на крышах собственных автомобилей.

Между машинами неторопливо ходили какие-то женщины с сумками. Мы прислушались и поняли, что это продавщицы ближайших продуктовых магазинов бесплатно раздают страждущим напитки и еду.

– Слушай, Костя, а ведь скоро тут начнется полный крадец, – сказал мне Стас.

– В смысле?

– Закончатся запасы провианта, и начнется голод. Никто же ничего не производит, все только потребляют.

– Да брось, – возразил я, – это же Москва. Тут и раньше так было. Помнишь, курс политекономии? Базис и надстройка. Москва – это сплошная надстройка, тут люди делают только деньги, а продукты им со всей страны везут.

– Так-то оно так, но ведь сейчас все это не только в Москве происходит, а везде! Я тебе говорю, Костян, скоро тут начнется уже настоящий «День триффидов»!

А ведь он прав. Вдруг я почувствовал себя абсолютно беспомощным.

– Стас, – сказал я. – Куда мы приперлись? Что мы тут можем сделать – одни на целую Москву?..

– Спокойно, без паники! – отозвался тот. – Смотри сюда. Еще не все потеряно. Не перевелись еще на Руси богатыри!

Я проследил за его взглядом и увидел двух милиционеров... Двух обыкновенных московских ментов, которые выцепили из толпы у входа на вокзал двух обыкновенных морщинистых узбеков и строили их по полной программе. Мы стали подбираться поближе, чтобы послушать, что они говорят... И надежды наши рухнули.

– Ну нет регистрации и ладно, – услышал я. – Вы не представляете, как мы рады таким замечательным гостям столицы и без всякой регистрации...

– Предатели! – прошипел Стас. – Сейчас еще и честь им отдадут!

– Я не знал, что ты такой националист, – удивился я.

– Я-то как раз не националист, а вот они – должны быть! Их русский народ за порядком следить поставил!

Сказав это, Стас вдруг твердым шагом направился прямо к милиционерам.

– Ты куда?! – попытался я поймать его за рукав, но не сумел.

– Аллах акбар! – рявкнул он, поравнявшись с ментами.

– Воистину акбар, – ответил один из них, а второй, лопоухий, только опасливо на него уставился.

Узбеки тихонько отплыли в сторону.

– Товарищи дежурные, – с ходу наехал Стас, – сдайте-ка мне свое табельное оружие.

– А нету! – хором ответили те.

– Как это нету? – опешил Стас.

– Уже сдали, – отозвался лопоухий.

– Кому?

– Не знаем, – пожал тот плечами. – Спросить не успели.

– И что, вы теперь совсем без оружия?! – возмутился Стас.

– Как же совсем-то? – замялся мент. – Кое-что есть.

– Что?

– А вот: демократизаторы, – ответил второй и показал резиновую дубинку.

– Давай! – потребовал Стас.

– А расписочку дадите?

– Еще чего! – нахмурился Стас, принимая орудие порядка. – Жирно будет!

– Зачем тебе эти палки? – шепнул я ему, когда мы уже отошли от ментов.

– Не знаю. Разозлили они меня. За такое наказывать надо. А палки пригодятся. Добреньких по дороге распугивать.

– А их за это уволят!

– Кто их уволит, Костя? – скривился брат, забирая вторую дубинку. – Ну а если и уволят? Преступности-то нет!

Сперва мы думали поймать такси и до тех пор, пока не найдем эту чертову Леокадию, бесплатно кататься на нем по Москве. Но не тут-то было. Все проспекты и улицы были плотно забиты транспортом, так что не покатаешься.

Минут двадцать мы брели по запруженной улице Мясницкой в сторону центра. Можно было, конечно, угнать мотоцикл и ехать по тротуарам... Но тротуары были заполнены вялой массой прохожих. И у кого его угнать?.. Мы остановились, и я вновь почувствовал панику. Никого мы в Москве не разыщем! Такими-то темпами!

– Надо возвращаться на вокзал и садиться в метро, – сказал Стас, как и я, изнуренный толкотней, пеклом и духотой.

– С чего ты взял, что оно работает? – спросил я, машинально обернувшись к вокзалу. И обнаружил, что давешние милиционеры плетутся за нами. Увидев, что я смотрю на них, они робко отвернулись, очевидно, рассчитывая остаться незамеченными.

– За нами, между прочим, хвост, – сказал я Стасу и кивнул на застенчивых преследователей. – Так они и отдали нам свое последнее оружие.

Менты, виновато потупившись, искоса поглядывали на нас и мяли в руках фуражки.

– Может, все-таки лучше вернуть? – предложил я. – Вдруг все в норму придет? Тогда нас еще возьмут за одно место из-за этих дурацких дубинок.

Братец задумался, потом подбоченился, строго посмотрел на две серенькие фигуры и сурово поманил их пальцем. Те сначала сделали вид, что его жеста не заметили, потом переглянулись, изобразили на лицах удивленную радость и, прячась друг за друга, засеменили сквозь толпу к нам.

– Не нравится мне все это, – успел сказать я до того, как они приблизились.

– Что вам угодно, любезные граждане? – спросил лопухий милиционер, от волнения нещадно терзая свой головной убор.

– Как звать? – спросил Стас, глядя на него исподлобья.

– Нас?

– Ну не нас же!

– Меня – сержант Шиков. Можно просто Вася. – А вот он – Мыков. Тоже Вася. Документики предъявить?

– Не надо, – махнул рукой Стас и тут же сменил тон на дружеский: – Я вижу, вы парни хорошие. Вы бы нам лучше помогли, а мы тогда вам дубинки вернем.

Менты снова неуверенно переглянулись. Внезапно Стас гаркнул:

– Товарищи милиционеры, срочно требуется ваша помощь!

Менты тут же вытянулись по стойке «смирно» и отдали нам честь. А сержант Шиков воскликнул:

– Слушаем ваших приказаний, граждане гости столицы!

Вот так Стас! А я его дураком считал.

– Молодцы, – сказал он. – А нужно-то вам решить всего одну задачу. Подогнать нам такой транспорт, на котором сейчас можно было бы передвигаться по Москве. Все понятно?

– Так точно, товарищ, э-э... А как к вам, извините, обращаться?

– Господин Стас, – заявил тот. – Просто господин Стас.

– Так точно, господин Стас!

– Тогда выполняйте! На все про все вам полчаса!

– Есть! – козырнули сержанты и, толкаясь, куда-то побежали.

Я посмотрел на брата и передразнил:

– «Господин Стас»... Ну и фрукт же ты.

– Ладно, брось, – смутился тот. – Я же для дела...

– Что-то сомневаюсь я, что от них какой-то толк будет.

– Посмотрим, – сказал Стас. – Слушай, Костя, я вот еще что подумал. Раз такие штуки проскакивают, может, лучше вообще спецслужбы подключить? С помощью ФСБ мы Леокадию быстро найдем.

– Может быть, и так... – сказал я с большим сомнением. – Но знаешь, что-то с ФСБ мне связываться совсем не хочется. Ты же слышал премьера. Вдруг там решат, что мы слишком злые для теперешнего общества, и захотят на всякий случай изолировать?

– Брось! – усмехнулся Стас. – Не думаю, что на Лубянке кто-то в своем уме остался.

– А толку тогда с них, с придурюшных? – спросил я.

Ответить он не успел, потому что в этот момент вернулись милиционеры. Со счастливыми рожами они стояли на новомодных, похожих на газонокосилки инерционных скутерах «Сигвей». Раньше мы такие только по телевизору видели, и они нам очень нравились.

– Гражданин Стас, ваше приказание выполнено! Подходящий транспорт налицо!

Выглядели скутеры заманчиво: футуристические по форме и дизайну, один оранжевый, как апельсин, другой – серый, точнее «мокрый асфальт».

– Ну-ка дайте-ка попробовать! – Стас бесцеремонно вырвал из рук милиционера тоненький блестящий руль. – На что тут нажимать надо?

Сержант принялся нудно объяснять ему, как управлять агрегатом, но Стас не дослушал.

– Все ясно! – воскликнул он и, вскочив на подножку, газанул.

Скутер, гудя как пылесос, промчал его метров десять по тротуару, наехал на бордюр, и братец кубарем полетел на газон.

– Вы что нам приволокли, уроды! – закричал он, вскакивая и потирая ушибленные места. – На нем же еще учиться надо!

– Так точно, – виновато покивал Шиков.

– А вы где научились? – поинтересовался я.

– В прокате, – признался Шиков. – У меня дядька жены там работает. Я у него их сейчас и взял.

– Некогда нам учиться! – продолжал лютовать Стас. – Тащите что-нибудь другое!!!

– Стас, успокойся, – остановил я его. – Научимся. Верни уже им палки.

Минуту спустя счастливые менты семенили обратно к вокзалу, а мы, спрашивая прохождение направление и по ходу обучаясь, катили в сторону метро «Алексеевская», рядом с которым находилась квартира продюсера Перескокова.

«Сигвей» – штука просто фантастическая. Уже через полчаса мы чувствовали себя уверенно и гнали на максимальной скорости. Хотя мы уже и не дети, но кататься наперегонки любят все. Идиотских картинок подобрали мы по пути насмотрелись предостаточно. Два раза останавливались отдохнуть и перекусить. Первый раз съели по шаурме, а во второй – облагали и бесплатно пообедали в ресторане...

– Вообще все не так страшно, – заметил я, когда мы заканчивали обед. – Я думал, хуже будет.

– Это пока, – отозвался Стас, поднимаясь, – помяни мое слово!

Мы вышли, вскочили на свои «газонокосилки» и не спеша поехали рядом.

– Ну да, в будущем, может, что-то нехорошее и случится, – согласился я. – Мы в этот момент переезжали какую-то на удивление безлюдную площадь. – Но сейчас-то пока тишь да гладь. Сам подумай: выпустит, например, какой-нибудь обезумевший тюремщик рецидивистов – вроде бы беда может случиться. Но ее не будет, потому что и рецидивисты подобранные!

Разглагольствуя так, я отвлекся и не заметил опасность. В тот же миг мой «самокат» наткнулся на какой-то серо-зеленый пятнистый шланг, и я грохнулся на мостовую. Бормоча проклятия, я вскочил на ноги... И тут шланг, изогнувшись и шипя, распахнул передо мной здоровенную желтую пасть. Это была анаконда! Гигантская анаконда!

– Костя, беги! – заорал Стас.

Но я, наоборот, замер. Потом медленно-медленно наклонился и подхватил скутер. А затем коротенькими-коротенькими шажками стал пятиться назад. Змея еще раз угрожающе зашипела, а потом разогнулась и поползла за дом. Вскоре площадь вновь была пуста.

– Ну у тебя и выдержка! – восхищенно воскликнул Стас.

– А-а-ага! – отозвался я. Меня трясло мелкой дрожью. Просто я в «Голосе Вселенной» читал статью про анаконд. Про то, что на самом деле они очень миролюбивые и никогда не

нападают на людей. А все жуткие истории про них – бессовестные выдумки бульварных писак. Но откуда эта зверюга в Москве?!

– Похоже, эти придурки зверей из зоопарков повыпускали, – сказал Стас.

Точно. Я кивнул. Выходит, где-то, и возможно даже поблизости, бродят еще тигры и медведи... Их песенками Леокадии не накормишь. Я сделал глубокий вдох и унял дрожь.

– Может, добудем ружья и устроим отстрел? – предложил Стас.

– И тебе их не жалко?

– Жалко. Но представь, что будет, если по Москве бродят хищные звери!

– Нет, – покачал я головой. – Надо ехать дальше и побыстрей. Мы не можем носиться по Москве с ружьями, отстреливая хищников. Сейчас звери, потом будет что-нибудь еще и не только в Москве. У нас фантазии не хватит придумать, к каким бедам и катастрофам еще приведет все это подобраение. Если его не остановить. Вот это мы и должны сделать. Поехали!

– Трусы всегда так говорят! – заявил Стас. – «У нас дела поважнее, глобальнее...» А герои делают конкретное дело, спасают конкретных людей!

– Стас, я еще на вокзале подумал о том, что дети просто чудом остались живы. Я уверен, сейчас по всему миру происходит множество жутких сцен. Я специально тебя успокаивал, чтобы тебе не пришлось в голову спасать всех по одному. Я тебя знаю. Но каждого в отдельности нам не спасти, нужно спасать ситуацию.

Стас покивал, мол, вот-вот, именно так и рассуждают негодяи... Потом вздохнул, махнул рукой, и мы поехали.

Вот умеет он остаться чистеньким...

Было около десяти вечера, когда мы, притихшие и усталые, добрались до нужного здания и вошли в подъезд. Домофон не работал, и дверь была распахнута. Лифт не работал тоже, и, пройдя мимо растянувшего до ушей рот дворецкого, мы по лестнице забрались на самую верхотуру. Уже на первых этажах ощущалась вибрация низких частот, а когда мы поднялись, рев музыки и вовсе оглушил нас. Мы вошли в квартиру. В вестибюле, стоя в очереди в туалет, приплясывали какие-то модельные девицы, и первое впечатление было такое, что мы попали в ночной клуб.

– Приготовься, Костя! – крикнул мне на ухо Стас. – Интуиция мне подсказывает, что тут мы ее и сцапаем, – и глазки у него стали масляными. Видно, он очень четко представил, как «цапает» Леокадию.

Некоторое время мы пробирались через битком набитые тусовщиками залы, где противно мигала цветомузыка и мельтешили лазерные лучи. Лица некоторых гостей были знакомы нам по журнальным обложкам и телешоу. В одном из залов розовощекий бармен в белой рубашке, бордовом жилете и галстук-бабочке что-то намешивал в стаканах. Почему-то он очень нам обрадовался и предложил, указывая на стаканы:

– Все безалкогольное!

Мы отказались и спросили, где найти хозяина. Бармен бросил шейкер и вызвался проводить. Обогнув бар, мы двинулись к занавеске из бряцающих пластиковых цепочек, но тут в рукав бармену вцепился маленький человечек с пороссячими глазками и огромным носом.

– Ой, какие симпатичные! – перекрывая музыку, закричал он и жеманно повел плечами. – Куда это ты, Ванюша, их повел?!

– К Вене, – отозвался тот.

– А-а, – обиженно протянул носатый. – Вечно все Перескокову! – Он мученически закатил глазки. – А пойдемте-ка лучше со мной!

– Отстаньте от нас, пожалуйста! – отдернулся я.

– Что значит «отстаньте»?! – радостно воскликнул тот. – Пойдемте! Я вас кое с кем познакомлю!

– Нам некогда! – попытался вырваться я.

– Не может быть некогда настолько, чтобы не познакомиться с самой Клавдией Самогудовой! – вскричал этот тип, ухватившись за меня еще крепче.

– Ну-ка отпусти его! – потребовал Стас. – Из всех певиц нас интересует только Леокадия!

– Тогда тем более вам нужно к Самогудовой! Ведь это она дает Леокадии уроки вокала!

Я глянул на Стаса. Тот кивнул, мол, давай сходим. Крикнув бармену: «Сейчас подойдем!» – мы отделись во власть носатому. Счастливый коротышка поволок нас через весь зал, и вскоре мы увидели несколько до боли знакомых рож.

– Глянь-ка, прима, каких я тебе милашек привел! – радостно крикнул наш провожатый.

– И зачем они мне? – хрипло отозвалась пышногрудая дива, пососала через соломинку безалкогольный коктейль, поморщилась и сказала: – Гадость какая!

Решив, что это про нас, «дитя порока» даже обиделся.

– Можно подумать, твой *этот* лучше... – сказал он презрительно.

– Какой «этот»? – угрожающе нахмурилась прима.

– Ну, этот... Как его... – Носатый блондин в затруднении пощелкал пальцами. – Сейчас, сейчас, сейчас... Ну... «А – Белкин, бэ – Стелкин, це – Сопелкин-Свиристелкин!»

– Так нечестно! Все варианты неверные! – вынырнул из темноты долговязый молодой человек. – Правильный ответ – Грелкин! И с Клавочкой у нас чисто творческий союз и духовное родство, а не что-нибудь! Ведь так, мышка моя? – Юноша присел рядом с певицей и прижался к ней щекой. – Чего тебе от нас надо-то?

– Да это не МНЕ, а НАМ надо! – воскликнул тот. – Нам же нужны молодые дарования?! Только посмотрите, какие миленькие, – потыкал он в нас пальцем. – А Перескоков их из-под носа уводит. Все к рукам прибирает.

– Мальчишки-то ничего, – словно негров на невольничьем рынке оглядела нас Клавдия Самогудова, прищурившись. – И впрямь, жирно будет Веничке... – и твердо закончила: – Так тому и быть. Сами раскрутим!

Стас, офигев, посмотрел на меня. Действительно, о какой «раскрутке» они говорят? Мы что, за этим сюда пришли?

– Мы не по этому делу, – сказал я.

– Не надо стесняться, – сказала певица. – Скромность артиста не украшает.

– Мы не артисты, мы и петь-то не умеем...

– А кто умеет? – хохотнула примадонна. – Этот, что ли? – кивнула она на носатого. – Или этот? – потрепала по щеке долговязого. – Чтобы стать звездой, милочка моя, петь уметь и не надо. Мне-то вы можете поверить? Если уж совсем слуха нет, будете рэперами.

– А Леокадия умеет! – сделал стратегический ход Стас.

– Далась всем эта выскочка, – насупилась прима.

– Но ведь это вы ее петь учили, – поддержал я брата.

– Ну, в общем, э-э... – замялась та.

– Вы или не вы? – прищурился Стас.

– Танцевать ее – вот он учил, – перевела она стрелки на носатого. Тот удивленно выпучил глаза, но тут же передал эстафету дальше:

– А говорить ее учил Сема Пятницкий, наш лучший порнографист! – указал он на пожилого, но одетого в штанишки с ляпочками небритого мужчину, уткнувшегося соломинкой в стакан. Тот поперхнулся и возмущенно воскликнул:

– Не порнографист, а редактор солидного журнала! И сплетни это все. Я ее б научил кой-чему, попадись она мне в руки... Да, жаль, не попалась.

– Выходит, никто из вас ее никогда живьем не видел, – догадался я.

– Ну уж прямо никогда... – сказала примадонна. Потом вдруг вздохнула и жалобно посетовала: – Что-то в последнее время так трудно врать стало...

– Все, пошли к Перескокову, – потянул меня за руку Стас, и мы двинулись обратно к стойке.

– Ну зачем, зачем вам Перескоков?! – вскричал носатый, ломая руки.

Тут Стас взорвался:

– Слушай ты, дитя порока! – заорал он, выпучив глаза. – Отцепись от нас! Проваливай!

– Ай! – всплеснул руками носатый. – Нет, но какая экспрессия! Какая неподдельная страсть!.. Что может быть прекраснее гордого провинциала?!

Тут Стас на него ТАК глянул, что он все-таки отстал. Бармен, увидев нас снова, радостно кивнул, и вместе с ним мы нырнули в узкий коридорчик за стойкой. Через пару минут мы стояли перед небольшой, но очень внушительной дверью, похожей на дверцу холодильника «ЗИЛ». Бармен повернул катушки кодового замка и ухватился за никелированную ручку.

«Чпок!» – сказала массивная дверь и отворилась. Мы ступили в таинственный полумрак и оказались в маленьком тамбуре. Дверь за нами захлопнулась, звякнули китайские колокольчики, а когда они смолкли, стало так тихо, что мне показалось, такой тишины я не слышал еще никогда в жизни.

Помещение было сравнительно небольшим. Посредине стоял стеклянный журнальный столик, по которому дорожкой был рассыпан белый порошок. В одном из светлых кожаных кресел, в кислотно-зеленом махровом халате сидел всем известный продюсер Вениамин Перескоков – мужик с милированной шевелюрой и рожей шахтера.

Он сидел к нам спиной и нюхал через трубочку порошок. Я видел это в отражении зеркальной стены.

– Проходите, – бросил он, не оборачиваясь.

– Значит, так, мужик!.. – с ходу набросился на хозяина Стас, но я не дал ему договорить, с силой наступив на ногу, и шепнул:

– Добренькие кокаин не нюхают...

Стас кивнул и тут же спрятался за мою спину. Какое-то время богемно-мафиозный хозяин нас будто бы и не замечал, и эта пауза лишь прибавляла эпизоду значимости. Я кашлянул в кулак и заявил:

– Извините, что мы без стука. Но мы пришли к вам по очень важному делу...

– А-а-апчхи! – отозвался тот и принялся теревить напудренный порошок нос.

– Будьте здоровы, – вежливо сказал я и, осторожно подойдя к столику, уселся в кресло. Но не напротив продюсера, а сбоку. Стас, опасливо на него поглядывая, устроился рядом со мной на мягком подлокотнике.

Хозяин закончил мучить красный, словно инеем припорошенный нос и, приоткрыв рот, осоловело посмотрел куда-то мимо нас. Я никогда еще не видел человека под действием кокаина, и зрелище, скажу я вам, было не из приятных.

– Я вот все думаю, кто вы такие? – проговорил он наконец высоким хриплым голосом и зябко засунул руки в карманы халата. И тут мне показалось, что совсем он не грозный, а, наоборот, какой-то потерянный. Мы со Стасом слегка расслабились.

– Так вот... – начал я.

Продюсер резко вскинул голову и сфокусировал взгляд на нас.

– Вы случайно в кино не снимались? – спросил он. – У него еще название какое-то дурацкое – «Кин-Дзадзирис», что ли...

– Нет, – заявил Стас. – Мы в такой лаже не снимаемся. – И вдруг с наездом добавил: – Лучше вы сами признавайтесь: кто вы-то такой?

– Я-то? Я – Вениамин Перескоков, – представился старый хлыщ. – Не путайте с Перископовым... – добавил он зачем-то. – А почему вы спросили? Вы же знаете, к кому пришли. Это ведь вы вчера звонили. Вам Леокадия нужна, так? – В кресле он сидел в тапочках на босу

ногу, и в глаза мне бросились покрытые ороговевшими мозолями пятки, которыми он нервно постукивал по полу. – Зачем тогда спрашиваете? – повторил он.

– Это он в том смысле, что вы не обычный человек, – пояснил я. – Вот и спрашивает, кто вы...

– Чем это я необычный? – спросил продюсер, приосанившись.

– Обычные люди теперь кокаин не нюхают, – пояснил я.

– О-о! Как обидно ощущать себя обычным человеком, – простонал тот и поскреб смуглую шершавую щеку, показывая в кривой усмешке зубы. – Черт бы его побрал, этот проклятый сахар!

Он резко склонился над стеклянной поверхностью и через свернутую в трубочку сто долларовую купюру втянул в ноздрю очередную дорожку белого порошка.

– Вы хотите сказать, что это не кокаин? – изумился я.

– Да какой там, к дьяволу, кокаин! – визгливо выкрикнул продюсер. – Сахарная пудра это, будь она проклята!

– А зачем же вы ее нюхаете? – поразился Стас.

– Так охота же! – объяснил Перескоков. – Привык я! Хоть что-то понюхать! А-а-апчхи! А когда делаешь вид, что торкает, и правда что-то такое чувствуешь...

Уф-ф... Камень с плеч! Значит, все-таки добренький.

– Вот у нас к вам какое дело... – снова попытался я перейти к цели нашего визита, и снова Перескоков перебил меня.

– Знаю я ваше дело! – рявкнул он почти весело. – А давайте-ка лучше телевизор посмотрим, а?! – Он вытащил из-под себя пульт и нажатием кнопки превратил примерно четверть зеркальной стены в экран. Нервно попереключав каналы, он остановился на MTV, где, конечно же, отплясывала его Леокадия – в джинсовых шортиках и с электрогитарой в руках, и увеличил громкость.

Я сразу раскусил, к чему он клонит. Эта сволочь хотела, чтобы мы подобрали!

– Стас, ты понял?! – посмотрел я на брата.

– Понял, Костя, понял, – отозвался тот сурово. – И знаешь что? Кто к нам с мечом пойдет... Давай-ка не будем у этого гада ни о чем просить. Давай, как в Америке. Поищи-ка тут уютюжок какой-нибудь или плейку. Или еще что-нибудь подходящее... А я его пока посторожу.

Перескоков растерянно поглядывал то на меня, то на Стаса.

– Сделайте музыку погромче, – сказал я, – чтобы криков слышно не было.

– Тут полная звукоизоляция, – машинально похвастался продюсер, а потом беспокойно спросил: – А зачем вы хотите кричать?

– Это не мы будем кричать, а вы, – пояснил Стас. – Наверное. Да точно...

– Зачем мне кричать? – ненатурально удивился продюсер. – Если вам самим хочется, то мне не жалко, кричите сколько угодно. А мне незачем.

– Вот и чудненько, – улыбнулся я продюсеру, а Стасу сказал: – Смотри за ним лучше.

Смежных помещений было несколько – кухня, туалет, ванная, гримерная, спальня... Я перевернул их все, но ничего подходящего не нашел. Разве что миксер? Когда я вернулся, с деловитостью инквизитора закрепляя на агрегате самую страшную насадку, Перескоков наивным голосом обратился ко мне:

– Странно, что вам не нравится Леокадия. – Он выключил звук телевизора. – Превосходный, по-моему, проект.

Я молча воткнул миксер в розетку. Неотрывно глядя на него, Перескоков вдруг выкрикнул фальцетом:

– А вам она, собственно, по какому делу?!

Я дважды нажал на кнопочку, отчего кухонный прибор издал действительно угрожающий звук. Как бензопила, только какая-то портативная и оттого еще более жуткая.

– Пожалуйста, не надо, – вновь кардинально сменил интонацию продюсер. – Право же, не стоит. Если я в чем-то и виноват, то я исправлюсь. Честное слово, исправлюсь.

– Где Леокадия, сволочь? – спросил Стас, а я еще раз поддал газку: «Вж-ж-ж! Вж-ж-ж!!!», а затем отпустил кнопку.

Воцарилась тишина. Перескоков запахнулся, нахохлился, став похожим на воробья, и так, как если бы он спешил в туалет, а кто-то не вовремя задал ему сложный метафизический вопрос, нервно выпалил:

– Не знаю! Не помню!

Тогда я снова нажал на кнопку и, уже не отпуская, медленно двинулся на продюсера. Перескоков с воплем соскочил с кресла и упал на диван, закрыв руками голову. Ну не мог же я по правде месить человека миксером. Я постоял над ним минуту, потом отпустил кнопку и тихо сказал:

– Вспомнил?

– Да, – ответил он глухо.

Ну, слава богу.

Не веря своей удаче, я приказал:

– Вставай и рассказывай.

Он резко сел и, приняв прежнюю зажатую позу, тяжело вздохнул с видом человека, готового признаваться во всех грехах.

– А можно, я закурю? – попросил он.

– Курение вредит здоровью, – заметил Стас.

– Вы правы, правы, молодой человек. Да, конечно, вы правы, – согласился Перескоков. – Я бы и сам не смог.

– Веня, – сказал я дружелюбно, – хватит уже юлить. Если вы не расскажете нам то, что мы спрашиваем, вполне возможно, через минуту вы умрете. И, кстати, в муках.

Его взгляд скользнул по миксеру и ушел страдать куда-то в неопределенность.

– Так как нам найти Леокадию? – медленно, как гипнотизер, повторил я. – И кто за ней стоит?

И тут он заплакал. Навзрыд, одновременно с этим чихая:

– А-а-апчи! Честное слово! Честное слово! А-а-апчи!..

Мне стало его по-настоящему жалко. Быстрее бы он, что ли, раскололся, да и шел бы с миром.

– Сосредоточьтесь, – сказал я голосом доброго наставника. – Ну же. Сосредоточьтесь на Леокадии, певичке, которую вы ведете.

– А вот и неправда! – всхлипнул он. – Чушь вы порете! Вовсе я ее не веду. Я ее и в глаза не видел, только, как и все, мечтаю об этом! То, что я напел Хемингуэву и остальным, то да, наверное, это было нехорошо, зато сильно подняло мой рейтинг. И все-таки это ведь не повод для того, чтобы убивать человека, правда?

Я еще не совсем поверил ему.

– Ну а если не вы, тогда кто же? – спросил я так, как если бы пожурил за какую-то глупость.

– Не знаю. Клянусь мамой, не знаю! Я целое состояние потратил, чтобы узнать, но так ничего и не узнал. Тогда я и решил говорить, что это я. Все равно никто этого опровергнуть не сможет.

– Так вон оно что! – воскликнул Стас. – А зачем тогда вы запирались столько времени?

Услышав, что ему поверили, Перескоков вмиг перестал реветь.

– Ха-ха, – нервно хохотнул он. – Да у меня же весь бизнес сейчас на этом держится. Да если мои партнеры узнают, что она не моя, я же все потеряю! – Он смахнул слезу рукавом халата. – Итак, теперь, когда вы все знаете, а я ввергнут в пучину нечеловеческого унижения,

я прошу оставить меня одного. – Он упал на диван, спрятал лицо в сложенные перед собой руки и стал хныкать, подергивая плечами. – Я старый больной человек. Я нуждаюсь в покое. Оставьте меня.

Хитрец! Но мы-то ведь не добренькие.

– Мы не оставим вас в покое, пока вы не поможете нам ее разыскать, – сказал я таким ровным голосом, каким произносят окончательные решения, и «газанул» миксером.

– Не оставите? – удивился он и вдруг решительно сказал: – Как хотите. Тогда можете меня убивать.

– Нет, – отрезал Стас. – Ты пойдешь с нами и поможешь нам ее найти.

Перескоков замер. Почему-то слова брата произвели на него особенно сильное впечатление. Он будто бы перемолол их в себе и наконец решился.

– Да, конечно, я пойду с вами, – сказал он очень спокойным голосом смирившегося с судьбой человека. Он встал с дивана и, медленно ступая по ковру, принялся метаться взглядом по комнате. – Та-ак, – сказал он, – мои кроссовки и походный рюкзачок...

Он решительно отворил шкаф-купе, выдернул оттуда пару модных красно-белых тапочек и уселся обратно на диван обуваться. Причем надевал он их на босу ногу и шнуровал так тщательно, словно собирался идти в горы. Мы с удивлением за ним наблюдали.

Потопав и попрыгав, продюсер убедился, что обут как следует, и вернулся к шкафу. На этот раз он достал оттуда средних размеров рюкзак и принялся напяливать его себе на спину, нервно напевая под нос: «Все выше и выше, и выше – стремим мы полет наших птиц!...»

Очередными его действиями было буквально следующее. Он схватил с полки премию «Золотой миелофон», взвесил ее в руке и запустил прямо в окно, полностью занимавшее одну стену. Массивная статуэтка пробила в окне дыру диаметром с велосипедное колесо, а все остальное стекло покрылось мелкой сеточкой трещин. Затем продюсер в распахнутом халате взял разбег от шкафа, запрыгнул на стол, пробежался по нему и, как ныряльщик, выпорхнул в пробоину.

Мы со Стасом остолбенели. Едва придя в себя, мы бросились к стеклу и увидели через дыру, как этот тип, сверкая малиновыми трусами, парит над Москвой на маленьком управляемом парашютике.

Экстремал хренов! Провел-таки нас! И впрямь кремень, не человек!

Глава вторая.

Бег по крыше и блистательные перспективы

– Во дает! – восхитился Стас, глядя, как ловко Перескоков маневрирует между домами соседнего квартала, снижаясь. Но только он это сказал, как беглец, что-то не рассчитав, влетел в стеклянную крышу большого магазина возле метро и пробил ее насквозь. Звон стекла мы не услышали, но увидели, как вслед за продюсером в дыру втянулся его парашют. Но не до конца – частично он застрял в искореженной раме.

– Он там висит, он зацепился! – радостно воскликнул Стас и бросился к выходу. – Бегом за ним, пока не смылся!

Вот так и становятся поэтами. Но радость его была преждевременной. Мы оказались запертыми.

– Что делать, кто нас отопрет?! Ведь не успеем, ведь уйдет! – простонал Стас, ища на двери хотя бы намек на ручку или замок.

– Слушай, хватит уже стихами разговаривать! – прикрикнул я. – Без тебя тошно. Надо быстрее выбираться отсюда и ловить урода. Он явно что-то знает.

– Почему ты так решил? – спросил Стас, вытряхивая барахло из шкафов в поисках чего-нибудь длинного и увесистого, подходящего для того, чтобы выломать дверь.

– Раз он знает, что добреют люди от песенок Леокадии, значит, он скорее всего знает и что это все заварил, – пояснил я.

В этот момент Стас выудил из шкафа длинный и увесистый резиновый фаллос, почему-то зеленого цвета, повертел его в руках, примериваясь, можно ли им подцепить створку, согнул туда-сюда и разочарованно бросил на пол.

– Хоть бы что-нибудь у него тут полезное было, – проворчал он и продолжил обыск. – Не уверен я, что он что-то знает, ему просто выгодно, чтобы все так думали. Но может быть, может быть...

Тут он выдернул с полки черную кожаную плетку, взмахнул и щелкнул ею, как бичом.

– О! – воскликнул он. – Вот этим его можно пытаться, если все-таки поймать!

– Не думаю, – возразил я. – Боюсь, ему только понравится, раз это у него тут хранится.

– Да? – нахмурился Стас, глянул на плетку внимательнее, брезгливо поморщился и тоже отшвырнул ее.

– Думай лучше, как нам отсюда выбраться, – заметил я. – Давай-ка проверим окна, может, через них можно куда-то вылезти.

Нам повезло даже больше, чем мы могли надеяться. В примерке мы обнаружили дверь, ведущую на огромный балкон. Точнее – на террасу. Здесь был небольшой бассейн, два шезлонга и два плетеных кресла, а в горшках стояли здоровенные пальмы. Решение было очевидным. Мы подтащили самую большую пальму к стене и смогли забраться на крышу.

Крыша была плоская, залитая гудроном, еще не остывшая от дневной жары и оттого пахучая. Ища спуск, мы побежали между вентиляционными трубами и тарелками спутниковых антенн. Тут и там мы натывались на какие-то каморки с желтыми черепами и костями на дверях. Мы пытались открыть их, но все они были заперты.

Время от времени мы подползали к краю крыши в надежде найти балкон, куда можно было бы спрыгнуть. Но только на другом конце дома мы, наконец, увидели точно такую же, как у Перескокова, террасу, на которой под мощные звуки музыки колбасилось человек двадцать молодых людей. Мы тут же спрыгнули туда и вбежали внутрь. Никто не обратил на нас ни малейшего внимания.

Это опять была тусовка поп-звезд и прочего бомонда, и мы быстро поняли, что на самом деле вернулись в квартиру Перескокова, так как она, похоже, занимала весь верхний этаж.

Пытаясь найти выход, мы бегали из комнаты в комнату, но это был самый настоящий лабиринт, битком набитый гламурным столичным сбродом.

В центральном зале было неожиданно тихо, уже не мигали разноцветные прожектора, а один мощный софит выхватывал из темноты небольшую сценку, где на стуле сидел с гитарой старый рокер и эстет с козлиной бородкой – Расческин. Стас притормозил и уставился на него влюбленными глазами. Он всегда обожал Расческина. А тот, перебирая струны, тихонько блял трагическим голосом:

...Жила была на свете младая стрекоза,
Под градом Таганрогом порхала, как коза.
Но вдруг однажды в бубен ударила гроза,
И хлынул дождь, в который и псам гулять нельзя...

— Стас! – зашипел я брату в ухо. – Пошли отсюда скорее! Сбежит продюсер!

– Тише! – так же шепотом взмолился тот. – Дай дослушать! Повисит еще чуть-чуть, не облезет!

Слава богу, как раз тут Расческин закончил свое невеселое повествование:

...Ах, вымокли до ниточки крыла у нашей деточки,
Висят они, как тряпочки, сидит она на веточке.

— Все, – сказал Стас. – Побежали.

Интересно только, куда... И тут же я придумал, что нужно делать дальше.

– Тихо! – заорал я не своим голосом в возникшей тишине. Расческин уронил гитару и на четвереньках убежал за диван. Гости испуганно посмотрели на меня. – Внимание всем! Слушать мою команду! Пятнадцать минут назад известный вам продюсер Вениамин Перескоков опустился на парашюте в магазин рядом с метро. Его необходимо поймать. Все – на поимку Перескокова!

Я замолчал и оглядел опешившую тусню. Вдруг вскочил носатый блондин и закричал хриплым фальцетом:

– Ловим Веничку! Какая прелесть! Все ловим Веничку!

– Ур-ра! – закричали словно только что вышедшие с экранов телевизора Грелкины, Пятницкие, Расческины, Клавдии Самогудовы и множество других менее известных нам тусовщиков. Из-за шторы выскочил почему-то прятаящийся доселе там плотный щетинистый очкарик, солист группы «ДТП», и, сжав кулаки, прорычал:

– Бей фонограмщика! – но тут же виновато захихикал и забормотал: – Это я так шучу... Щекоти его!

Толкаясь и радостно вопя, толпа бросилась к лестнице, увлекая за собой всех встреченных на пути. Мы поспешили следом. У парадного подъезда, там, где мы их и оставили, стояли наши «Сигвеи».

– Отлично! – воскликнул Стас. – Поехали?

– Костя! – крикнул мне Стас, когда по пути мы обогнали нескольких отставших поп-звезд. – Как ты думаешь, почему все-таки они все свихнулись, а мы – нет?

– Про нас не знаю, – честно признался я. – А вот про них... Может, они всегда такими были?

– Да ты что! – не поверил Стас. – Такая патология несовместима с жизнью!

Когда мы добрались до места, там уже творилось черт знает что. Перескоков болтался на двадцатиметровой высоте, с двух сторон от него, на верхних ярусах галереи столпились его бывшие гости и, хохоча, пытались дотянуться до него лыжными палками, взятыми в отделе

спортивных товаров, и гардинами из хозяйственного. Кучка поп-весельчаков рассекала под ним по битому стеклу на трофейных роликах и велосипедах.

Очевидно, все эти добренькие придурки воспринимали происходящее как забавную и совершенно безобидную игру. Кроме самого извивающегося над пропастью Перескокова. Бедняга вопил и корчился, но от этого веселья только прибавлялось.

– Они его угробят, – сказал я брату. – Разобьется к чертовой матери!

– Надо растянуть под ним большое полотно, как делают на пожарах, – предложил Стас.

Среди унитазов и ванн нам удалось отыскать целую выставку громадных рулонов. Минут пять мы провозились, отрезая подходящий кусок голубого в розовый цветочек сукна. Свернув его и захватив с собой огромный тесак, мы побежали обратно.

Организовав человек десять держать натянутый батут под Перескоковым, сами мы помчались на балкон, на уровне которого он болтался. «Ве-ня! Ве-ня!» – радостно скандировали внизу. Мы примотали тесак к бильярдному кию скотчем и получилось что-то вроде копья. Этим самым копьём мы со Стасом и принялись по очереди перепиливать стропы парашюта. Натянуты они были не все, но по мере того как одни лопались и Перескоков, повизгивая, опускался чуть ниже, натягивались другие.

«Пем-м!» – лопалась стропы.

– Ой! – как ужаленный Винни Пух вскрикнул продюсер и тихим доверительным тоном покаялся: – Ребята, я все осознал... Не надо этого делать.

«Пем-м!» – лопнула следующая.

– Ай! – провалился он чуть ниже. – Признаюсь, я был в корне неправ. Прекратите пилить, я же упаду.

«Пем-м-м!»

– Ой-ой! Может статься, я вам еще пригожусь. Хотите славы и денег?

Стас замешкался. «Ве-ня! Ве-ня!» – продолжали скандировать снизу.

– Деньги нам не нужны, – сказал я деловым тоном. – И слава тоже. Все что нам нужно – найти Леокадию.

– Без проблем, – сказал Перескоков, уверенно мотнув головой, и тут же добавил: – Но у вас не получится. Потому что даже у меня не вышло...

– Стас, пили, – приказал я.

«Пем-м!»

– Ой! Тихо-тихо! Зачем же так спешить? – возмущенно спросил Перескоков у Стаса и вновь обратился ко мне: – Но, похоже, я знаю способ.

– Врешь! – не поверил я.

– К сожалению, нет, – шмыгнул носом продюсер. – Я и сбежал-то, чтобы не расколоться. Потому что понял, как ее найти.

– Говори! – приказал я. – Ну?!

Тот закатил глаза вверх, немного помедлил и заявил:

– Если не можешь выйти на Леокадию, нужно заставить ее саму на тебя выйти.

– Это пословица? – саркастически спросил я. – Стас, режь!

– Тихо, тихо! Я ведь знаю, как ее заставить!

– И как?

– Очень просто. В шоу-бизнесе ничто так не бесит, как наступающие тебе на пятки конкуренты. Если я сделаю из вас суперзвезд и обеспечу вам первые места в хит-парадах, то те, кто ее ведет, попытаются или переманить вас к себе, или заставить вас замолчать. В любом случае они себя выдадут.

Стас посмотрел на меня большими глазами, повернулся обратно к продюсеру и воскликнул:

– А ты умен, Перескоков!

– Мне часто это говорят, – признался польщенный шоумен и скромно улыбнулся.

– Но это же долго! – возразил я.

– Не так уж и долго, если мы ему поможем! – крикнула снизу Клавдия Самогудова. – Вы мне сразу понравились. Веселые ребята!

– Я, например, про вас статью напишу, – сказал Пятницкий. – Только на обложку придется голыми сняться.

– А я вас в рокерской тусне продвину! – прорычал очкарик. – Только режьте быстрее. Очень хочется посмотреть, как эта собака падать будет... Но вообще-то я добрый, – тут же пояснил он с виноватой улыбочкой. – Ну сколько ж ему, бедняге, еще висеть? А собаки – очень милые животные, против собак я ничего не имею... Режьте!

– Вот его как раз слушать не надо! – поспешно заявил Перескоков.

– А как вы нас будете раскручивать, если и дальше будете тут висеть? – резонно заметил Стас и перерезал предпоследнюю веревку: «Пем-м!»

– Я вполне могу руководить процессом прямо отсюда! – очень серьезным голосом заверил продюсер.

«Пем-м-м!» – особенно звонко пропела последняя стропа.

– Так я и знал, – грустно промямлил Перескоков, поджал ноги и, кувыряясь, полетел вниз. Когда с глухим ударом он шмякнулся на наше полотно, все, кто его держал, не устояв, кучей повалились на продюсера сверху.

– Але-е... Гоп! – донесся из кучи сдавленный голос Перескокова. Шоумен остается шоуменом даже в самой сложной ситуации. Тут же все присутствующие взорвались дружным «ура» и аплодисментами, а мы кинулись с балкона вниз.

Поднявшись и запахнув халат, Перескоков торжественно поднял палец.

– Пока я летел, я думал, как же нам назвать наш супердуэт? И вот что я решил: в названии его обязательно должен присутствовать мотив победы добра над злом. Народ это любит.

– Бог Тот побеждает бога Сета, – пробормотал Стас. – «Тот Сета». Как вам?

– «Тот – того», – хрипло возразила Самогудова. – После «татушек» – беспроектно.

– Тот – того? – переспросил Стас испуганно. – Но мы же братья!

– В этом-то вся изюминка, – заверила прима, – точнее, клубничка. Братья, которые очень-очень любят друг друга. Такой гадости на нашей эстраде еще не было.

– Ура! – заверещал носатый. – Да здравствует наш новый проект – «Тот-Того»! Я сразу понял, что они перспективные! Потащили Веничку домой!

Еще миг – и ошеломленный Перескоков был придушен в объятиях, сбит с ног и закатан в спасательное полотнище. Перевязав его с двух сторон веревкой, так что голубой в розовый цветочек рулон превратился в огромную брыкающуюся конфету, попсовики, журналисты и фотомодели взвалили его на плечи и двинулись назад в пентхаус.

Глава третья, в которой мне все не нравится, а Стасу, как всегда, наоборот

Вот уж чего я никак не ожидал, так это что стану поп-звездой. Но куда деваться? Похоже, это действительно был единственный способ найти Леокадию. С гиканьем, песнями и плясками доволокли мы Перескокова до дома. Там «фантик» развернули, и начался военный совет акул шоу-бизнеса. Естественно, в обсуждении при закрытых дверях приняли участие лишь самые-самые, а прочая тусня осталась куролесить в дискотечных гостиных.

– Что для нас главное? – вопрошала Клавдия Самогудова. – Главное, чтобы к нам потянулись люди. А что для этого надо?

– Быть самыми достойными? – предположил я.

– Чего-о? – скривившись, протянул Сема Пятницкий. – Вы откуда к нам приехали?..

– Надо быть ближе к народу, – подсказал примкнувший к компании знаменитый продюсер Шпулькин, загорелый толстомордый тип с бегающими глазками. – Мелодии должны быть не сложнее «Чижика-Пыжика», слова тупые, а поведение вульгарное. Вот тогда все будет в ажуре!

– Правильно! – воскликнула прима радостно.

– Позвольте, позвольте! – вмешался Перескоков ревниво. – Как генеральный продюсер этого проекта я тоже должен высказать свое мнение!

– Давай, давай, Веничка, – кивнула ему прима благосклонно.

– Нам ведь нужны не просто звезды, а суперзвезды. Кого сейчас удивишь тупостью и пошлостью? Для успеха это, конечно, обязательные условия, но все-таки недостаточные. Я бы добавил еще насилие и секс.

Все присутствующие изумленно уставились на него.

– Я же сказал – «бы». «Добавил БЫ», – смущенно поправился Перескоков. – Но не добавлю. Потому что все мы – люди хорошие, и демонстрировать насилие и секс, к сожалению, не можем...

– Мы-то не можем?! – вскочил Стас.

– Тихо, тихо, тихо! – воскликнул Перескоков, выскочив из кресла и спрятавшись за спинку. – Мы знаем, какие вы способные, лично я это – во как прочувствовал, – провел он ладонью по горлу, – но народ нынче не тот! Народ нынче хлипкий. Никому теперь это не понравится.

– Вот и не морочь тогда нам головы! – сказала Самогудова, презрительно передразнив: – «Генеральный продюсер»! Тоже мне!

– Но в чем Веня прав, – вмешался носатый, – что в основе имиджа обязательно должно лежать что-то ужасно гадкое.

– А названия не достаточно? – спросил я с надеждой.

– Что ты! – жеманно махнул тот ручкой. – Не название делает группу, а группа название. Какой-то беспредельный экстрим должен быть в самом вашем поведении. Пошлых дураков на сцене – каждый первый, а нам надо угодить в яблочко.

– Лично нам надо найти Леокадию! – напомнил я.

– Мы помним, – заверила примадонна, – но мы ведь уже договорились, что для этого вы должны перещегоолять ее в популярности. И для верности можно нарушить какие-то ее права, тогда она сама вас найдет.

– Что значит «какие-то»? Авторские, конечно, – дополнил Шпулькин. – Уж я-то в этом деле ас!

С презрительной улыбочкой прима покивала, как бы говоря, «вот и я о том же, умник...».
– Точно! – воскликнул Перескоков. – Как я сам не додумался, коллега! Нужно тупо петь ее песни! Такого никто безнаказанно не оставит.

– Ее песни?! – скривился Стас. – Мы – ее песни?!

Издевательски вихляя тазом, он заголосил на музыку «Кис-кис, брысь»:

Милый, милый, милый,
Зацелуй меня,
Милый, милый, от тебя —
Я млею как свинья!..

Он остановился, и в комнате повисла напряженная тишина. Наконец, ее прервала прима, прошептав:

– Гениально.

– То, что нужно, – тихо подтвердил Грелкин и смачно щелкнул пальцами.

– Записано! – сообщил Перескоков, помахав телефоном.

– Придумал! – заявил носатый.

– Ну, что ты еще придумал? – уставился на него Шпулькин.

– Я придумал, какой гадости подпустить, чтобы уж наверняка.

– Ну? – обернулась к нему прима.

– Тема энуреза, – зловеще произнес тот.

– О! – даже на миг не задумавшись, блаженно закатил глаза Перескоков. – Вот что значит профессионализм. В десятку! Нельзя насилие и секс – пусть демонстрируют на сцене волеизлияние и мочеиспускание!

– И призывают к этому зрителей, – прозорливо кивая, добавила прима.

Внезапно глаза Перескокова округлились, и он вдохновенно промолвил:

– Борьба добра со злом. Хит всех времен и народов «Ночной позор»...

Тут только мы со Стасом осознали, что нелепая шутка заходит слишком далеко. Переглянувшись, мы заорали хором:

– Мы не будем мочиться на сцене!

Акулы шоу-бизнеса глянули на нас так, словно это пищали комары, и прима сказала Перескокову:

– Веня, ты пока уведи ребятишек.

– Все-все-все, мальчики, – вскочил продюсер, схватил нас за руки и куда-то поволок. – Вам спать пора, набираться сил надо, впереди большие свершения. А нам нужно делом заняться: подготовить репертуар, расписать гастрольный план, зарядить поэтов и аранжировщиков, договориться по поводу транспорта, организовать фанатов...

– Мы не будем делать этого на сцене! – твердо сказал я, остановившись перед дверью.

– Завтра, завтра поговорим, – ласково сказал Перескоков, впихивая нас в спальню, и захлопнул у нас перед носом дверь.

...Проснулся я от того, что в мобильном заверещал будильник. Первой мыслью было, как мне неохота переться в школу. Но миг спустя я осознал, что нахожусь не дома и никакая школа мне не грозит. Я лежал одетым и обутым на очень шикарной и мягкой трехспальной кровати с балдахинном.

Рядом со мной, завладев единственным одеялом, безмятежно сопел укутавшийся почти с головой Стас. Вчера он не удержался и сделал по плоточку из нескольких красивых бутылочек, которые мы обнаружили у Перескокова в баре.

– Эй, – толкнул я его ногой. – Вставай, армахет³!

Он резко сел, ословело осмотрелся и сказал:

– Интересно, кстати, нас завтраком кормить будут?

За что я люблю своего брата, так это за здоровый взгляд на жизнь.

– Мне тоже интересно, – сказал я. – Давай поищем кухню.

– Чего ее искать, мы ж там были, – напомнил Стас.

Точно. Я и забыл. Я же там миксер нашел. Мы сползли с кровати и направились туда. На кухне сидел Перескоков. Он был все в тех же кроссовках и в том же кислотном халате, что и вчера, только сильно порванном на спине. Перед ним на столе лежал сотовый телефон, а в руках он держал бутылку джина. В воздухе стоял отчетливый можжевельный дух.

Я даже замер в дверях: Перескоков наливал в стакан прозрачную жидкость... Какое-то время он сосредоточенно смотрел на нее, а потом, к моему облегчению, аккуратно стал переливать обратно в бутылку.

– А, проснулись, драгоценные мои, – заметил он меня и приветливо качнул головой. – Проходите, присаживайтесь. А я вот так и не смог уснуть. – Вид у него был ужасный. Такой, будто бы он все-таки пил всю ночь. Его шахтерское лицо приняло синеватый оттенок и поросло жесткой щетиной. Красные глаза были полны отчаяния и доброты. – Зато я кучу дел по телефону переделал. Жизнь, кстати, налаживается. Жить будем бедненько, но добренько. Уже и транспорт ходит. Медленно, но ходит. Потому что, когда он не ходит, вреда получается больше, чем пользы. Люди это осознают потихоньку. И в магазинах уже торговля началась.

– Так ведь можно все без денег брать!

– Можно, но почти никто уже не берет, потому что это дурно, и народ это понял. Да ты садись, – пригласил он вновь.

Я присел, а Стас куда-то исчез, видимо, вернулся в спальню. Перескоков взял бутылку и вновь наполнил стакан на треть.

– Костик, я не могу больше пить, – вдруг трагично сообщил он. – Налить могу, а выпить – никак. Только поднесу стакан ко рту, как душит меня совесть, так, будто я собираюсь кого-нибудь топором зарубить. Вот, глянь! – Дрожащей рукой он медленно поднес стакан ко рту, но та затряслась еще сильнее, заходила ходуном, и в какой-то момент пахучий джин выплеснулся ему на халат.

– Пятнышко будет! – взволнованно воскликнул Перескоков и, быстро поставив стакан на стол, принялся, чавкая, сосать махровый подол. Кого он решил обмануть? Себя, что ли?

– И сколько вы так уже насосали? – спросил я.

Перескоков затравленно на меня посмотрел и буркнул:

– Зови брата завтракать. Он добрее.

Я вернулся в спальню, но Стаса там не было. И тут же я услышал шум и гам со стороны прихожей. Я заглянул в гостиную, в ту самую, из которой продюсер вчера выпрыгнул, и увидел Стаса, тянущегося от целой оравы журналистов с камерами.

– Скажите, сколько вам лет?! Это правда, что вы внебрачные отпрыски президента?! Вы – близнецы? Ваши ближайшие планы?! Какой вы ориентации?! Так все-таки «кто кого»? – кричали они наперебой. – Кто придумал девиз «Энурез против армии»?

– Это придумали задолго до нас, – пролепетал Стас, обернулся и беспомощно посмотрел на меня. Уж не знаю, чего он так растерялся, но было ясно, что его надо спасать. Я метнулся обратно на кухню, схватил со стола джин, плеснул немного Перескокову на халат, чтоб ему не обидно было, и побежал к брату на выручку.

– Куда-а?.. – плаксиво крикнул мне вдогонку продюсер, но я уже был в гостиной. Замахнувшись бутылкой как гранатой, я заорал:

³ Пьяница (возм., др.-египт.).

– А ну, пошли вон! Убирайтесь!

В прихожей началась давка. Продолжая выкрикивать вопросы, толпа папарацци стала медленно выдавливаясь через узкий тамбур за дверь. Когда исчез последний, Стас, бормоча: «Ноу комментс, ноу комментс», – захлопнул ее. Стало тихо как в бункере. Не соврал хозяин про звукоизоляцию.

– Так вот как она приходит, эта пресловутая слава, – многозначительно сказал Стас. – Помнишь, мы книжку читали, как ее там? «Огрызки хлеба»?.. Нет... «Обломки неба»?.. Короче, что-то такое. Про «Битлз». С ними было примерно так же. Встали утром, голова гудит, а пресса беснуется. А что вчера делали, что творили?.. Ничего не помнят.

– Они-то хоть петь умели, – прервал я его.

– Так ведь и шоу-бизнес на месте не стоит, – парировал он.

– Ты лучше скажи, на кой нам все это? Нам Леокадию искать надо, а эти уроды нам теперь проходу не дадут. Всюду будут лезть с камерами и вопросами мучить.

– Ты что, забыл гениальный план Перескокова? – возмутился Стас. – Именно благодаря славе мы и привлечем ее внимание.

– Так-то оно так... – сказал я, царапая подбородок. – Но что-то не нравится мне все это...

– А мне – нормально, – заявил Стас. – Мы, кстати, завтракать все-таки будем?

– Пойдем, пойдем, – кивнул я, – Перескоков тебя заждался.

Не успели мы поесть, как в продюсерские апартаменты ворвалась Клавдия Самогудова.

– Внимание! – с порога объявила она. – Вечером вылетаем на гастроли! Шумиху уже подняли, пиар-кампанию закрутили, рекламу пустили по всем СМИ. А наступать начнем, – она революционно взмахнула кулаком, – из провинции! С самых окраин! С Владика!

– Но мы же еще не репетировали! – испугался Стас.

– Еще чего не хватало! – сделала большие глаза примадонна. – Пусть самодеятельность репетирует. У нас уже весь материал готов, а к вечеру будут записаны фонограммы. Вам нужно будет только прыгать и открывать рот, короче – делать шоу. Вас в самолете за десять минут всему мой Лелик обучит, он у меня мастер!

Я вспомнил вчерашние разговоры и сказал:

– Лично я мочиться перед всеми не стану.

Несколько секунду длилось тяжелое молчание. Потом Самогудова махнула рукой и примирительно сказала:

– Ну ладно... Звездам капризы положены. Обсудили мы это... Найдем дублеров, что же делать. Ну, может, еще девочки с подтанцовки помогут...

– Вы, конечно, понимаете, насколько мне трудно в этом признаться, – встрял Перескоков, – но лично мне понравилась идея коллеги Шпулькина...

– Ну да... – задумчиво кивнула ему примадонна.

– Что за идея? – спросил Стас.

– Не важно! – встрепенулась прима. – Это все потом! А сейчас – работать! – Она хлопнула о стол пачкой листов: – Вот тексты, выбирайте.

Мы со Стасом взяли по бумажке, я стал читать, и у меня глаза полезли на лоб. Это была длинная песня, но мне хватило первого куплета:

Нет свободы молодым,
Миф – «свобода», ложь и дым!
Но свободе я учусь:
Где хочу, там и...

Я поднял мрачный взгляд на примадонну, и она, поймав его, затараторила:

– Это такая тяжелая роковая баллада в стиле Хрипелова. А припев – народный, пипл схавает!

Я прочитал припев. Он действительно был знаком мне с начальной школы:

Хорошо быть косою,
Хорошо собакою...

— Я уже слышала фонограмму! – сообщила Самогудова с воодушевлением – там в припеве после каждый строчки такой крутой хардовый риф! И она прорычала:

Хорошо быть косою,
О! Оу! Оу! О!!!

Я глянул на Стаса. Вид у него был перепуганный.

– Костя, – сказал он. – Это кошмар. Послушай:

Расскажу я вам, мальчишки:
Мальчик жил, он смелым был,
Раз он, расстегнув штанишки,
Лес горящий потушил...

— Почему же это кошмар? – возразила Самогудова. – Очень проникновенная позитивная песня. Ведь напрочь куда-то ушла из нашей жизни героика. А кто же будет воспитывать молодежь, если не мы – деятели культуры?

Я схватил еще листочек и прочитал вслух:

Мы друг друга полюбили,
Невзирая на ландшафт,
Мы еще грудными были,
Писались на брудершафт...

— Кто пишет вам эти частушки?! – вскричал Стас.

– У нас целый штат прекрасных поэтов, – отозвалась Самогудова. – Пушкин отдыхает. Тема мочеиспускания раскрыта со всех сторон, она просто выработана, как золотая жила! И всего за одну ночь.

– Но при чем здесь ландшафт?! – рявкнул я.

– Как это при чем? – пожала плечами прима. – А ты сочини рифму на «брудершафт». Поэзия, милочка моя, это великое таинство... Но лично мне больше всего нравится вот это... – Она взяла листочки, немножко покопалась в них, наконец, выдернула один и, по-рэперски жестикулируя, речитативом продекламировала:

Ты помнишь, чувак, мы курили траву,
Теперь за траву голову оторву.
Ты лучше, чувак, бы отлил бы в нее,
Так эк'ологичнее, блин, ё-моё!..

— Смело! Современно! – сама же оценила она.

– Супер! Просто супер! – запрыгал на табуретке Перескоков. – Мы порвем эту страну, как грелку!

Я не знал, что и сказать. Но вовремя пришел в себя Стас:

– Лично я никуда не полечу, – сказал он. – Ни на какие гастроли.

– Я тоже, – кивнул я, как мне казалось, твердо.

Но вечером мы как миленькие погрузились в лимузин Перескокова и двинулись впереди целой автоколонны, везущей звезд эстрады, в направлении аэропорта Шереметьево. Взялся спасать мир, не боясь описаться...

– Но ведь самолеты теперь не летают, – удивился Стас, когда мы медленно-медленно продвигались через окружавшую здание аэропорта толпу народа с флажками и плакатами «We love Тот-Того!!!», «I love пи-пи!!!» и даже «Тот-Того, мы пи-пи с вами!» Они были всюду, даже на крыше.

– Нам ужасно повезло, – сообщил Перескоков, сидевший напротив нас. – Мой пилот однажды побывал на концерте моей бывшей группы и, естественно, оглох. Ничегошеньки теперь не слышит. Так что он летать не боится.

– А как же он по радио переговаривается? Со всякими там диспетчерами? – спросил Стас.

– А зачем? – удивился Перескоков. – Это было нужно, когда небо кишело самолетами и на посадку неизвестно было куда идти: вдруг там кто-то уже есть. А сейчас и в небе чистота, и взлетные полосы все свободные, садись – не хочу.

– А для чего здесь столько народу? – продолжал расспросы Стас.

– Это ваши фанаты, – пояснил Перескоков.

– Да откуда у нас могут быть фанаты, если мы еще ни разу не выступили?!

– Это все, друг мой, дело техники, – сказал Перескоков, – мы профессионалы или где?

Он достал свой мобильник, приставил его к губам и артистично объявил:

– Внимание, диспетчерским службам и всем, всем, всем, кто пришел сегодня проводить своих любимцев в турне по дремучим глубинам нашей великой страны! Говорит Вениамин Перескоков. Просьба не путать с Перископовым...

По тому, как от его негромкого голоса завибрировали пуленепробиваемые стекла машины, и по легкому эху, которое пробивалось из-за них, я понял, что его речь транслируется через громкоговорители на всю площадь.

– ...Встречайте! Звездный кортеж возглавляет лимузин суперсовременной группы «Тот-Того», и я, Вениамин Перескоков, просьба не путать с Перископовым, ее генеральный продюсер! – продолжил наш скромный конференсье, а затем принялся по очереди объявлять остальных участников тура, въезжавших через служебные ворота на аэродром. Тут, словно припаркованные автомобили, в ряд стояли десятки громадных разноцветных авиалайнеров.

Когда Перескоков закончил, небо над аэропортом озарилось разноцветными огнями, и прозвучал запоздалый треск фейерверка. Неизвестно откуда появились служебные машинки с желтыми мигающими маячками, а вслед за ними, объезжая хоровод лимузинов, прополз очень низкий желтый тягач с большими колесами, тащивший за переднее шасси средних размеров реактивный самолет советского образца.

К нему придвинули трап, и дверь нашего автомобиля отворил улыбающийся стюард в аэрофлотовской форме. Из прохладного кондиционированного воздуха салона мы вышли на пропахший техникой жаркий ветер и зашагали по асфальту.

Раньше всех на трап полезла Клавдия Самогудова, своим зычным голосом перекрывая оглушительный гул самолетных двигателей:

– Я хочу сидеть в кабине!

– Клавочка, я с тобой! – ломанулось за ней длинноносое «дитя порока».

После них на борт поднялся пожилой много раз заслуженный артист Комбинезонов с лицом мафиозного главаря под курчавым париком.

– Костя, я боюсь, – шепнул мне на ухо Стас.

– Я тоже, – кивнул я, чувствуя, что от волнения у меня начинает дергаться глаз. – От этих уродов можно всего ожидать. Надо было нам настоять, чтобы тур был железнодорожным.

– Ага! – возразил Стас. – А ты знаешь, сколько ехать от Москвы до Владика? В нынешней ситуации целый год можно тащиться.

– Да хоть два. Лучше долго ехать во Владивосток, чем быстро лететь на кладбище.

– Типун тебе на язык, – сказал Стас. – Ладно, пилот-то глухой, он нормальный. Да и наши – не самоубийцы все-таки.

– Не знаю, не знаю... – сказал я. – Во всяком случае, нужно сразу выяснить, где лежат парашюты.

...Самолет набился битком – звездами, обслуживающим персоналом и девушками из подтанцовки. Вспарывая облака, мы стремительно набирали высоту. Похоже, пилот у нас был лихач.

– И сколько нам лететь до Владика? – спросил Стас у Перескокова.

– Смотря с какой скоростью, – ответил тот уклончиво.

– А почему нас не инструктируют, как положено, по технике безопасности и не рассказывают, где находятся парашюты? – спросил я заветное.

– Это частный самолет, и никто тут этого делать не обязан. А парашютов на пассажирских самолетах не бывает.

У меня похолодело в животе, а Стас бессильно рухнул в кресло и страдальчески закатил глаза. Самолет потряхивала турбулентность, уши закладывало так, что казалось, их залепили пластилином. Но звезды, не испытывая ни малейшей тревоги, принялись за свои беспечные разговоры.

– Вот что, ребята, – сказал Перескоков. – Настало время нам хоть немного порепетировать.

– Где? – удивился я. – Здесь, что ли?

– А ты как думал? – усмехнулся продюсер. – Тяжела и неказиста жизнь российского артиста. Айда за мной, – и он потащил нас через салон за какие-то шторы.

Пройдя небольшой тамбур, мы оказались в тесной музыкальной студии с аппаратурой, синтезатором, прикрепленными к полу высокими стульчиками, микрофонными стойками и, конечно же, баром. Тут уже сидели Грелкин, Шпулькин и самогудовский Лелик.

– Вы готовы? – спросил нас Шпулькин.

– Да мы и песен-то не слышали, – возмутился я.

– При чем тут песни? – засмеялся Шпулькин. – Ну-ка, – повернулся он к Лелику и Грелкину, – покажите-ка ребятам, что значит настоящее эстрадное шоу, – и нажал на кнопку.

В студии зазвучал бойкий реп на знакомую мелодию. Парочка фаворитов примы вооружилась микрофонами и, приплясывая, запела:

Жили-были на свете два брата – Стас с Костей,
И они, то есть мы, прилетели к вам в гости
Показать вам, как стильнее стать и умней,
Как забить на условности глупых людей!

Если кто-то не хочет идти воевать,
Нужно вовремя мокрою сделать кровать,
А потом докторам заявить наотрез:
«Извините, но, блин, у меня энурез!»

Тут эти отморозки расстегнули штаны и стали, пританцовывая, причудливо скрещивать пляшущие в воздухе струйки. При этом они горланили припев:

И треснул мир напополам, дымит разлом,
Идет священная война бобра с ослом.
И меркнет свет, в ночи текут ручьи в узор,
Ну, кто сказал, что энурез – «ночной позор»?

Я просто осатанел. Я хотел наконец вдолбить в их дурацкие головы, что **МЫ ЭТОГО НА СЦЕНЕ ДЕЛАТЬ НЕ БУДЕМ!** Потому что мы этого делать не хотим. А еще потому, что в отличие от заслуженных звезд эстрады мы не умеем делать это по команде и по заказу... Я встал и уже набрал в легкие воздуха, чтобы заявить им об этом уже, наверное, в десятый раз, как вдруг самолет мощно тряхнуло, и я только клацнул зубами.

Все испуганно повскакали с мест. В студию вломилась Самогудова:

– Бегом в салон, уродцы!!! Застегните ширинки, пристегните ремни!

Глава четвертая. **«Последний дюйм» и радушный совхоз**

Самолет мощно завибрировал и начал терять высоту. Мы кинулись на места. Ощущение было такое, будто мы летим в оборвавшемся лифте. Голова закружилась, и неприятно зашевелились внутренности. Вместе со всеми, кто не был пристегнут, а таких было большинство, мы со Стасом взлетели к потолку и стали барахтаться в невесомости. Так же внезапно самолет вновь выровнялся, и все свалились – кто в проход, кто на сиденья.

– Мы падаем! Мы падаем! – вопили попсовики.

– Где, где мой замечательный парашютик?! – горестно выкрикнул Перескоков.

Но хоть самолет и потряхивало, он уже не пикировал.

– Спокойно! – командным голосом рявкнула Самогудова, которая прибежала в салон вместе с нами. – Без паники! Это была всего лишь воздушная яма. Пристегнуть ремни, обхватить затылки руками и засунуть головы между коленей!

Все примолкли и, выполнив ее инструкцию, сидели скорчившись, как креветки, а сама Самогудова исчезла. Через минуту самолет натужно застонал и вновь стал рушиться в пропасть. Тут же прима ворвалась обратно в салон и сообщила почти победным тоном:

– А вот теперь мы действительно падаем! Сидите так же, как сидите, а я пойду попробую все-таки разбудить пилота. Хоть и жалко его.

Свет дважды мигнул и погас.

– Прав ты был, Костя, – услышал я тихий голос Стаса, – надо было поездом.

Мне стало даже не столько страшно, сколько грустно. Как глупо все вышло. Мы решили, что умнее всех и знаем, как спасти мир. А в результате дали себя уговорить на это уродское шоу... Так нам и надо.

Я выпрямился и посмотрел в окошко. Теперь, когда в салоне наступила темнота, там, в рассветной дымке, стал отчетливо виден зубчатый силуэт леса. Мало кто расскажет вам, что чувствуешь, когда падаешь в самолете. Так вот, слушайте. Чувство такое, будто катишься на санках с горы к краю пропасти.

Вдруг в моей голове отчетливым эхом прозвучала последняя фраза примадонны. Выходит, мы падаем, а пилот спит?! И, может быть даже, мы падаем как раз поэтому? А старенькой добренькой дуре жалко его растормошить!

Как раз в этот момент в полутьме салона вновь возникла ее фигура.

– Бесполезно! – заявила она. – Но я считаю, унывать не стоит. Давайте-ка споем хором наш новый хит. Как там? «Жили-были на свете два брата – Стас с Костей...»

Не нравится мне это прошедшее время! Придумала, как скрасить нам последние минуты... Затеяница. Я поспешно расстегнул ремень и, спотыкаясь от тряски, стал пробираться в кабину. Ударившись головой о косяк, я миновал тамбур, ворвался в студию и увидел в полумраке распахнутую дверь к пилоту.

Она болталась из стороны в сторону и стучала о стену. Секунду я стоял, заворуженно наблюдая, как в огромном лобовом стекле мелькают рваные облака. Какое-то странное оцепенение охватило меня. Говорят, так иногда бывает, когда находишься в смертельной опасности. Но длилось это только миг, придя в себя, я бросился внутрь.

В кабине мигал красный аварийный свет. На панели маячила надпись «Взять управление». Пилот храпел, развалившись в кресле. Я изо всех сил хлопнул его ладошкой по лысине. Он сделал такое движение рукой, словно отмахнулся от мухи, и что-то неразборчиво промямлил.

И тут я увидел, что по полу у него под ногами катаются пустые бутылки из-под коньяка и пепси. Господи, да он же в стельку пьян! Он жрал коньяк, а эта добренькая дура пила с ним пепси-колу! И небось песни с носатым орали...

Я схватил пилота за грудки и принялся изо всех сил трясти его. Он приоткрыл глаза и снова что-то промычал. В панике я стал лупить его по щекам.

– Просыпайся! Просыпайся, гад, мы падаем! – вопил я, прекрасно сознавая, что это бессмысленно, ведь летчик-то глухой. – Возьми штурвал, мерзавец!

– Ах, штурман, – вдруг промямлил тот и неуклюже отмахнулся. – Прошу вас, воздержитесь от рукоприкладства.

Тут кабину накрыла тень. Я бросил взгляд в окно и увидел, что мы уже совсем низко скользим вдоль лесистого склона. Рывком я выдернул пилота за грудки из кресла, бросил в проход, занял его место и схватился за тугой непослушный штурвал. По мере того как я, словно вожжи, тянул его на себя, машина стала медленно задирать нос. Меня вдавило в сиденье, я ощутил легкое сотрясение и услышал треск. Самолет коснулся хвостом верхушек деревьев, догадался я.

И тут же случился ужасающий удар. Меня впечатало в штурвал, а нос самолета погрузился в грохочущую тьму. Сквозь разбитые окна в кабину градом влетели какие-то обломки. Перекрывая предсмертный рев двигателей, раздался громовой взрыв, и все озарилось огнем.

Я выпал из сиденья в проход, прямо на пилота, скатился с него и почувствовал, как меня больно прижало боком к каким-то выпуклостям под приборной доской. Я попытался слезть с них, но мне показалось, что я вешу целую тонну...

Вокруг трещало и скрежетало, видно, самолет катился, скребя корпусом о землю. Тряхнуло... И вдруг наступила такая пронзительная тишина и такая легкость, что я было решил, что все-таки умер. Но боль в боку заставила понять, что это не так.

Стараясь не наступать ладонями на ошметки стеклопакета, на какие-то щепки и даже ветки, я пополз по наклонному полу развороченной кабины, так как лежали мы, по-видимому, слегка завалившись набок.

Меня колотила нервная дрожь, в ногах и в животе то и дело возникала сосущая слабость, в голове гудело. Но все-таки мы приземлились и все-таки остались живы. А еще неизвестно, что было бы, не возьми я в последний момент штурвал в свои руки...

Вдруг я услышал абсолютно трезвый голос пилота:

– Ну и кто так садит самолет?

Придерживаясь за сиденье, я поднялся и хотел со злости как следует пнуть его. Но он лежал все так же с закрытыми глазами и просто бредил.

– Это был ваш последний полет, штурман, – не открывая глаз, сказал он саркастически: – Вы уволены...

Через разгромленную студию я осторожно двинулся в салон. Разрушений там практически не было. Похоже, все были живы-здоровы и даже более того, тут, словно в плацкартном вагоне во время посадки, царил приглушенный, буднично-базар.

– Ты, главное, Веничка, не расстраивайся! – кудachtала Клавдия Самогудова. – Самолетик был уже старый, потрепанный... С таким проектом, как «Тот-Того», ты себе десять новых купишь!

– Это просто безобразие! – сурово вещал Шпулькин. – Кто отвечает за транспортировку в турне? А если мы все будем так выполнять свои обязанности?

– И какие это у тебя обязанности?! – огрызнулся Перескоков. – Критиковать мы все горазды!..

Кто-то схватил меня за рукав. Я подпрыгнул от неожиданности. Это был Стас.

– Костя, ты в порядке?

– Кажется, да... В башке только звенит и боком треснулся... Надо срочно сваливать отсюда, а то рванет еще!

– Не-не-не, – быстро помотал головой Грелкин. Глаза у него были как два блюдца и еле помещались на лице. – Я в окошко видел: крылья с баками уже отвалились и взорвались раньше.

– Точно? – усомнился я.

– Точно-точно, – снова покивал он взволнованно. – Я полагаю, нам не следует никуда выходить. Нужно оставаться здесь и ждать.

– Чего? – протянул Стас с сомнением.

– А – старателей, бэ – карателей, це – эмчезовцев-спасателей! – выпалил тот.

– Це – спасателей! – обрадовался Стас.

– Ответ правильный! – воскликнул Грелкин. – Вы переходите на следующий уровень!

– Да! – сделал победный жест Стас.

– Но ведь за полетом никто не следил, – вернул я к реальности этих перевозбужденных любителей телевикторин. – Нас могут хватить только через несколько дней. А то и вовсе не хватятся.

– Хватятся, – уверенно вклинулась в разговор прима. – О нашем гастрольном туре по всем каналам кричат.

– И что, спасатели пойдут искать нас пешком? Вертолеты-то не летают.

– Даже если так, куда мы сейчас среди ночи поспремся?

– Осмотреть самолет все равно нужно, – сказал я. – Вдруг баки с топливом горят близко, и пожар может добраться до нас?

– Оглядеться, может, и надо, – согласилась прима. – А то в окнах ни хрена не видать. Только не ты пойдешь, а кто-нибудь не такой важный.

– А вот не надо таких намеков! – вскричал Грелкин.

– Нет, пойду я! – твердо сказал я.

– И я! – поддержал Стас. – Мы вместе пойдем. И даже не спорьте, бесполезно.

– Как мне надоели эти вечные капризы дебютантов! – возвела глаза к небу Самогудова. – Ладно, идите. Но уж, пожалуйста, будьте осторожны. Ведь если мы, к примеру, Лелика потеем, то и не почешемся, а вот если вас, тогда весь проект – насмарку!

Двери оказались заклинены. Примадонна нашла возле одного из кресел запасный выход, но и его открыть тоже не получилось.

– Может быть, мы завалились на двери? – предположил Стас.

– А с другой стороны дверей нет, – с победным видом развела руками прима. – Так что сидите.

– Мы можем выбраться через кабину, – возразил я. – Там все окна разбиты. Кстати, осмотрите пилота, он вроде цел, но кто его знает.

...Светало. Я думал, что мы рухнули в лес, но оказалось, что самолет, похожий без крыльев на гигантский тубик, лежит на кочковатой поляне среди кустарника и небольших елок. Далеко позади, на склоне холма полыхал какой-то барак, и от него поднимался столб темного дыма. Пожар освещал часть пробуровленной нами ложбины с поваленными по сторонам деревьями. Немного пройдя вдоль нее, мы увидели на фоне пожара силуэты коров.

– Слава богу, – сказал Стас. – Если есть коровы, значит, где-то рядом есть и люди.

И точно. Человек обнаружился прямо около беспечно пасущихся буренок. Это был крепкий дедок с посохом, в фуражке и в овчинной безрукавке.

– Как вас там, сильно покорежило?! – спросил он. – Вот иду спасать. Да коров-то не бросишь, а они не торопятся!

– Не спешите, – сказал я. – У нас все целы.

– Да-а, повезло вам, парни, – сказал дед, шурясь. – В молодняк упали. Прямо в елки. Встреть вы хоть одну хорошую сосну, она б вас пополам разрубила или бы в лепешку сплющила. – Он со знанием дела покивал и добавил: – А вот с коровником совхозу не повезло.

Я понял, что горит как раз этот коровник. Именно пролетая сквозь него, мы, по-видимому, и потеряли крылья с баками горючего. И случился тот страшный удар.

– Хорошо хоть животину я как раз на выпас погнал, – продолжал невозмутимый пастух. – А то ведь сколько бы мяса испортили. На бензине-то котлеты плохие получились бы... Невкусные.

«Шутник! Надо заставить Самогудову с Перескоковым заплатить за коровник, – подумал я. – У них денег навалом... Хотя что они теперь стоят, эти деньги?..»

– Дедушка, а мы вообще-то где? – спросил Стас как-то очень наивно.

Старик задумался, прищурился и откликнулся вопросом на вопрос:

– А куда летели?

– На Дальний Восток.

– О-хо-хо! – хрипло засмеялся старик. – Малость не долетели.

– Сколько? – уточнил Стас.

– С пол-России где-то.

– Дедушка, – взмолился Стас, – скажите же, наконец, где мы?!

Пастух встал покартиннее прямо, как какой-то Гэндальф, оперся на посох и гордо сообщил:

– Томская это область, ребятки. Земля сибирская! Добро пожаловать в Кожевниковский район, село Киреевск.

Переползая через выбоины, чуть в стороне от нас к пылающему коровнику неспешно подрулил узик с брезентовым тентом.

– А вот и директор наш пожаловал, – приглушенно объявил дед, сделал шаг в тень и исчез, словно сквозь землю провалился.

Из машины, громко матерясь, вылез небритый мужчина в белой кепке пирожком. Яростно хлопнув дверцей, он двинулся к нам, шлепая по лужам кирзовыми сапогами.

– Мать-перемать! Что же это творится-то! – рявкнул директор. За ним из машины выскочил сухонький дедок с портфелем под мышкой и, придерживая на голове шляпу, засеменил вслед.

– Где Палыч, мать его через колено?! – прокричал директор издалека.

– Да! – словно передразнивая его, скрипучим голосом вторил старичок. – Где эта сволочь?

– Вы ищете пастуха? – догадался я. – Дедушку с палкой?

– Где он?! – прорычал в ответ краснолицый и вдруг, безумно оскалившись, уставился в одну точку, где-то за нашими спинами.

– Только что был здесь, – честно ответил я, растерянно оглядываясь. Но директор смотрел на коров.

Вдруг, раскинув руки, хищно растопылив грубые трудовые пальцы, он вприпрыжку побежал к ним, радостно крича:

– Коровки! Коровки мои! – Животные, мирно пасущиеся на полянке, оторвались от травы, перестали жевать и попятились, а директор, поравнявшись с ними, продолжал: – Где эта старая сволочь, буренушки?! Покажите мне его! Дайте я его рас-це-лую!

Тут он сорвал с головы кепку, швырнул ее под ноги и, затаптывая ее грязными сапогами, принялся плясать, выкрикивая:

То не лес трещит,

Да не комар пищит!
Это кум до кумы
Молоко тащит!..

— Директор у нас человек музыкальный, — гордо сообщил старичок-помощник.

Я озадаченно посмотрел на него, а потом вновь на начальника, который выкрикнул финальное: «...Поцелуй ты меня, кума-душечка!» и за неимением пастуха принялся обниматься со слегка оторопевшими крупнорогатыми.

— Я-то думал, хуже, чем в Москве, уже нигде не может быть, — пробормотал изумленный

Стас. — А тут уже совсем дикость какая-то... Окончательно уже одобрили...

— А вы чьи, собственно, будете? — подозрительно прищурился старичок-секретарь.

— Что значит «чьи»? — удивился я.

— Вы, случаем, не космонавты? — продолжал расспросы старичок, опасливо обходя нас кругом.

— Не-не, мы музыканты, — выручил меня Стас. — Мы в самолете летели. На гастроли.

— Да ты че?! — обрадовался старичок. — Артисты, значит. А мы уж, грешным делом, думали «Буран» к нам приземлился. У нас тут частенько, знаете, с Байконура что-нибудь падает. Спасу нет от этих ступеней...

Косолапый директор тем временем снова растопырил руки и побежал к нам. Я испугался и хотел уже броситься наутек, но тот резко сменил траекторию и с разбегу заключил в объятия вновь появившегося из тени пастуха.

— Палыч! Палыч, сукин ты сын! — радостно рычал председатель. — Чтоб я без тебя делал, Дмитрий, ты мой, Павлович?! Ни одной буренушки не потерял! Всех до одной от гибели спас!

— Да если б эта дура на пять минут раньше грохнулась, от них бы вместе со мной одни шашлыки остались, — скромно посетовал терзаемый в объятиях дедок. — Жалко вот только коровник сгорел...

— Да и хрен с ней, с этой рухлядью! — махнул рукой председатель. — Я его уже и сам, грешным делом, подпалить хотел. Мы тебе новый, из шлакоблока, построим! Ни одна дрянь космическая его не пробьет!

— Петр Петрович, так ведь вот тут какое дело, — вмешался помощник. — Не «Буран» это вовсе, а звезды из Москвы к нам пожаловали.

Председатель замер и в недоумении нахмурился. Потом посмотрел вниз под гору, на белую измятую колбасень нашего лайнера.

— На ракете, что ли? — спросил он.

— Не, — подал голос Стас. — Это самолет. Просто у него крылья отвалились. И хвост.

— А-а, вон оно что, — добродушно кивнул председатель, и глаза его засверкали, как у любопытного ребенка. — А кто там, внутри?

— Да все! — гордо ответил Стас.

Директор расплылся в наивной улыбке. Но тут же сделал недоверчивое лицо и с азартом спросил:

— Что, и Самогудиха, скажете, с вами?

— Ага, — покивали мы.

Председатель нахмурился и стал еще подозрительней.

— А Лелик при ней?

— С ней, с ней.

— И Комбинезонов?!

— Да, — подтвердил я. — И он с нами.

– А Петросяна у вас, случайно, нету? – от волнения с придыханием подал голос старичок-секретарь.

– Нет, – признался я честно. – Юмористы с нами вроде не летели.

– Только этот, – добавил Стас, – Грелкин.

– Грелкин, это хорошо, конечно, – погрустнел старичок. – Его девки любят. А я вот Петросяна люблю. С женой его смешной...

Тут председатель, перестав мечтательно трепать затылок, как-то весь сгруппировался и отчеканил:

– Значит, так! Слушать мою команду. Ты, Палыч, коров в село гони. А вы, Анисим Сергеевич, – ткнул он пальцем в грудь секретарю, – езжайте на базу отдыха «Обские просторы», говорите там что хотите, но чтобы через час все летние домики были свободны! Потом мчитесь в совхоз и обеспечьте нас транспортом. Сколько вас там народу? – обернулся он к нам.

– Человек тридцать, – откликнулся Стас.

Председатель озадаченно поцыкал зубом и вновь обернулся к подчиненным:

– Все поняли?! – спросил он строго и на всякий случай погрозил кулаком. – А я покамест буду звезд из самолета вытаскивать.

– Так точно, товарищ директор! – ответили старички, и секретарь бросился к уазу. Через минуту его и след простыл. Председатель же всплеснул руками и воскликнул:

– Что за день! Звезды с неба так и валятся! Желаний не хватит загадывать! – и, приплясывая, он побежал с горы к разбитому самолету.

Глава пятая. Жуткий дебют

– Добро пожаловать на сибирскую нашу землю! – сияя радушием, повторял директор совхоза, стоя возле кабины и помогая выбираться очередному артисту.

Мы же со Стасом подгоняли их изнутри.

– Ядрышников моя фамилия, Петр Петрович, – неустанно приговаривал директор. – Да вас-то я знаю, знаю. Небось не лаптем щи хлебаем, следим тут за цивилизацией!

– Лично я никуда из салона не пойду! – заявил носатый. – Меня укусил комар! Представьте! Он укусил меня уже здесь – внутри! Что же будет снаружи?! А ведь говорят, у них кусаются только самки! Меня всего передернуло, когда она ко мне притронулась!

– Придется вылезать, – со вздохом сказал я. – Самолет без крыльев уже никуда не полетит. С минуты на минуту придет транспорт, и вы останетесь тут один...

– Это ужасно! Просто ужасно! – застонал коротышка и двинулся к оконному проему. – Лучше бы уж мы разбились насмерть, чем так жестоко страдать и унижаться! Я надеюсь, подадут лимузины?

Наконец-то я увидел всех, кто с нами летел. Кроме тех, кого я уже упоминал, был здесь еще какой-то перепуганный негр, назвавшийся Мармеладным Кроликом, дуэт двоечников-переростков «Наталипортман», пятеро музыкантов-инструменталистов, а также десяток совершенно одинаковых длинноногих танцовщиц. Два звукооператора, два осветителя и одна гримерша. Итого вместе с нами и оклемавшимся лысым пилотом из самолета выбралось тридцать два человека.

– А вот и наши лимузины! – воскликнул Ядрышников, когда по кочкам, скрипя и бряцая кузовами, к обломкам самолета подъехали два трактора с прицепами, от которых густо несло навозом. – Прошу рассаживаться!

С минуту потрясенные попсовики молча приглядывались и принимались. Первым с надменным выражением лица к прицепу шагнул Комбинезонов и тихонько затянул хорошо поставленным «советским» голосом:

Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

За ним двинулись остальные, печально, но твердо подхватив:

...Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Так с революционными и патриотическими песнями на устах к рассвету мы и добрались до «Обских просторов».

База, десяток маленьких похожих на вигвамы деревянных домиков, располагалась в красивом сосновом бору, на обрыве, с которого открывался вид на широкую полноводную реку. Не замечая капризов, обид и стонов нежданных гостей, председатель, пританцовывая от радости, завел всех в столовую, где нас накормили чем-то, пахнущим капустой и напоили мутно-серым киселем. Затем он расселил нас по домикам, приказал всем отдыхать и напоследок, уже садясь в машину, воскликнул:

– Обед в два, а вечером – добро пожаловать в наш клуб! На праздник в вашу честь! То-то радости будет сельчанам! Вас хотим послушать да себя показать!

Самогудова послала председателю воздушный поцелуй, тот от смущения аж споткнулся, неуклюже рухнул на заднее сиденье уазика и так, с открытой дверцей, на ходу втягивая в машину сапоги, и уехал.

До середины дня звезды, включая нас, продрыхли без задних ног: бессонная ночь дала о себе знать. Разбудил ужасающий звон, это повар колотил гигантской поварешкой по подвешенному на веревке куску рельса.

Видно, благодаря хлопотам Ядрышникова, обед был немножко попримечнее. Но не обошлось и без курьезов. Так, по цепочке еще стоявших у прилавка раздачи столичных звезд прошел листочек под названием «Меню», содержащий три строки:

- Первое
- Второе
- Напиток из бачка

Несмотря на вызванную этим шедевром оторопь, на сей раз мы уже сумели определить на вкус, что есть что. «Первым» были щи, «вторым» – бигус с кусочком курятины, а «напиток из бачка», несмотря на зловещее название, оказался всего лишь компотом из мандаринов, сваренных прямо с кожей...

Клуб села Киреевского, куда мы с мальчишкой-проводником всей толпой явились за два часа до назначенного концерта, оказался неожиданно большим, мест на пятьсот. Нам со Стасом показалось, что и аппаратурой он оснащен очень неплохой: колонки, во всяком случае, по краям сцены стояли огромные. Но два наших звуковика, исследуя оборудование, то и дело хватались за головы и обреченно повизгивали. Ахая и охая, им вторили звезды помоложе. Разрядили напряжение ветераны.

– Спокойно! – сказала Клавдия Самогудова. – Не надо истерик. Это вам не конкурс Евровидения. Я в начале своей карьеры пела в местах и похуже. И, как видите, жива. Народ нас спас, он хочет праздника, и он его получит!

– Верно, Клавочка! – поддержал ее Комбинезонов. – Мы – народные артисты и должны быть с народом! Коровник спалили, заплатим концертом.

– С чего начнем-то? – перешел к делу Перескоков. – С «Тот-Того»?

– Я считаю, не надо, – возразил Шпулькин. – Проект новый, рисковать не стоит. Нужно на разогрев выпустить тех, кого публика давно знает и любит. Он покосился на примадонну с Комбинезоновым.

– Пожалуй, вы правы, коллега, – признал Перескоков.

– Давненько я не выступала на разогреве, – усмехнулась прима. – Но проект – дело общее. Тряхнем стариной. И все-таки, мне кажется, не с нас бы надо начинать, а с пташек помельче – с Кролика, например, или с «Натали»...

– Не получится, – вмешался один из звукооператоров, кругленький лысенький усатый человек в потертом джинсовом костюме. – У них фанеры нет. Есть только ваши с Леликом, Комбинезонова и пацанов.

– Как это, нет фанеры?! – возмутилась примадонна. – А чего они тогда с нами увязались?! Мы что, за всех отдуваться должны?

– Ну, это не ко мне, – развел руками лысый оператор. – Мое дело маленькое – аппарат настроить, – и он с видом глубокой занятости склонился над звуковым пультом.

– Эй вы, продюсеры хреновы! – набросилась прима на Перескокова и Шпулькина. – Вы-то куда смотрели?

– Лично я занимаюсь проектом «Тот-Того», – заявил Перескоков, – а гастрольный директор этого тура – коллега Шпулькин. – Он схватил нас со Стасом за руки и потянул за кулисы. – Пора гримироваться и получать инструктаж!

Шпулькин покраснел и захныкал:

– Я тоже, я тоже хочу заниматься проектом! Но меня к нему не подпускают! Меня буквально третируют! Превращают в мальчика на побегушках!

– Ладно, успокойся, – пожалела его примадонна. – Ты ни в чем не виноват. Уж о своей фонограмме каждый должен был позаботиться сам. Ничего! Пробьемся и без этих бездарей!

За кулисами Перескоков завел нас в какую-то комнатку, вынул из чемодана два костюма – один серебристый, другой – золотистый, и сказал:

– Одевайтесь и помните: сегодня – ваше боевое крещение.

– Что будем петь? – натягивая золотые штанишки, спросил Стас с дрожью в голосе, и я прекрасно его понимал. Хотя нам и нужно было только кривляться и открывать рот, волновался я ужасно. – Песенку Леокадии?

– Нет, это здесь ни к чему, – махнул рукой Перескоков. – Здесь нет ни радио, ни телевидения, и она все равно не узнает, что вы ее обворовываете. Сегодня у вас дебют, так что ограничимся нашим ударным номером – гимном «Ночной позор».

– Давайте! – выдохнул Стас почти благодарно.

Послышалось многоголосое гудение, шарканье шагов, постукивание откидных сидений... Стало ясно, что зал заполняется зрителями.

– Теперь наденьте вот это, – продолжал Перескоков, выдавая нам странные приспособления – что-то среднее между плавками и собачей шлейкой, тех же серебристого и золотистого цветов.

– Что это?! – поразился я.

– Это изобретение коллеги Шпулькина. Креатив беспрецедентный. Дистанционные мочеиспускатели. Вот эту трубку-бурдючок пропускаем между ног, а вот этот пояс застегиваем тут... Видите, вообще незаметно! А вы думали, Лелик с Грелкиным в самолете все взаправду делали? Как бы не так! Человеческий организм – штука капризная, а нам в работе сбои не нужны.

– Что там, в этой трубке? – спросил я, смирившись и приготовившись к самому худшему.

– Можешь успокоиться, – усмехнулся Перескоков. – Ананасовый сок. Нам ведь нужно, чтобы был вид, а не запах. Значит, так. Запомните: на микрофоне есть кнопка. Нажмете на нее, он включится, и можете говорить с залом – здороваться, выкрикивать что-нибудь. Но как только начнется песня, сразу жмите снова – отключайтесь. Ясно?!

– А с этим хозяйством как обращаться? – постучал себя Стас по креативному приспособлению.

– Не парься, это не ваша забота. Дистанционные пульты будут у нас за кулисами.

В зале послышались овации, а затем мощный зрительский хор начал скандировать:

– Са-мо-гу-до-ва! Ком-би-не-зо-нов! Са-мо-гу-до-ва! Ком-би-не-зо-нов!

– Пойдем посмотрим? – предложил Перескоков.

Мы выбежали из комнатки. Там, за кулисами, уже толпились все наши, подглядывая за тем, что происходит на сцене. Мы со Стасом втиснулись рядом и тоже уставились – каждый в свою щелку.

В зале был аншлаг. Тут сидели и дети, и старики, но больше всего было здоровенных мужиков и баб среднего возраста. Мужики хлопали и орали, а бабы деловито раскладывали на коленках принесенную с собой в сумках снедь – вареные картофелины и луковицы – и разливали по стаканам мутную жидкость.

– Неужели самогон?! – не поверил я своим глазам.

– Да не-ет, – успокоил меня Стас. – Вода, подкрашенная молоком. Привычка у них. Ну, не могут они без этого. Как Веня без сахарной пудры.

– Но как морщатся-то натурально! – заметил я, когда один из мужиков на первом ряду, хыкнув, опрокинул стакан, охнул, побагровел и занюхал рукавом. Вот это рефлекс!

Тут на сцену вышел Комбинезонов, и зал взорвался бурей аплодисментов.

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогие наши сельчане! – начал он, и я заметил, как перед этим он тронул заветную кнопочку микрофона.

– У-у-у! А-а-а! О-о-о!!! – прокричали зрители в ответ что-то неразборчивое, но восторженное.

– Знали бы вы, как давно уже мечтал я вот так, по-простому, выйти перед нашими тружениками села и спеть им, то есть вам, свои самые любимые песни, – как по писаному врал ветеран сцены. Тем временем за его спиной появились музыканты-аккомпаниаторы и стали делать вид, что настраивают свои бутафорские инструменты. – Но столичная суета, она затягивает, затягивает... – продолжал маэстро. – Однако есть на земле справедливость, и есть некая высшая сила. И, как говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло! Наша вынужденная посадка на вашей гостеприимной земле сделала мою мечту реальностью. И песней, которая сейчас зазвучит, я хочу выразить всю ту благодарность и любовь, которую я к вам испытываю...

Комбинезонов нажал на кнопочку, отключая микрофон. Зазвучало инструментальное вступление. Музыканты принялись усердно изображать игру, а певец стал как-то затравленно озираться по сторонам. Мне показалось, он вдруг растерялся, и вскоре я понял, в чем дело. Когда началась песня, артист так четко задвигал губами, что у меня никогда и сомнения не возникло бы в том, что он действительно поет... Вот он – профессионализм!

Но удивило то, что поет он женским голосом.

...Ах ты, родина моя
Под Полынь-звездой...

— хрипловатым сопрано примадонны «пел» перепуганный Комбинезонов, —

Встречи с милым у ручья,
Песни козодоя!..

— Звуковики – дауны! – прошептал Перескоков. – Фанеры перепутали!

И тут настоящим профи вновь показал себя Шпулькин.

– Грелкин! – зашипел он. – Грелкин! Маскируйся под Комбинезонова! Выручай!

Тот показал пальцами нолик, мол, все будет о'кей, и кинулся в гримерную. Буквально минуту спустя он выскочил из нее одетым в точности так же, как мэтр, и даже лицо его за счет толстенных накрашенных бровей стало таким же мафиозным. А еще миг спустя он скорчил постную гримасу, и теперь я реально мог бы их перепутать.

Тем временем бедолага-ветеран с мрачным как туча лицом кружился по сцене в проигрыше, голосом примы завывая:

А-а-а-а, а-а-а-а...

Когда он в очередной раз проносился мимо нашего края, Перескоков и Шпулькин одновременно поймали его за полы пиджака и выдернули за кулисы. Не успел он и рта открыть, как Грелкин сорвал с него парик, натянул его на себя, выхватил микрофон и, выскочив из-за кулис, продолжил танец.

Когда песня была допета, в свет рампы выбежала Самогудова.

– Ну, здравствуйте, здравствуйте! – закудахтала она. – Вы, конечно же, узнали нашего молодого, но способного пародиста Грелкина! Ну, что за талантище! Что за уникальная способность к перевоплощению! Петь моим голосом и в то же время как две капли воды походить на моего дорогого коллегу Комбинезонова! Похлопаем, похлопаем ему, друзья!

Сорвав парик, Грелкин изо всех сил раскланивался и посылал зрителям воздушные поцелуи. Зал просто бушевал от восторга.

– Ну все, птенчик мой, – сказала примадонна Грелкину, – отправляйся в свое гнездышко. А я, пожалуй, спою теперь вам сама! А?! Как вы на это смотрите?

Зал одобрительно зашумел, и артистка затянула свой знаменитый хит всех времен и народов – «Сотня синих незабудок».

...Комбинезонов пережил такой стресс, что больше на сцену уже не выходил. После нескольких песен, исполненных то в одиночку, то дуэтом с Леликом, примадонна объявила:

– Ну а теперь встречайте виновников нашего торжества. Тех, ради кого мы и отправились на эти гастроли! Самые молодые и, что греха таить, самые талантливые из нас – дуэт «Тот-Того»!

Скажу честно, героизм и находчивость старших товарищей произвели на меня впечатление, и я настроился не ударить в грязь лицом. Зазвучало вступление нашего фирменного рэпа, подогретые знаменитостями колхозники что-то заорали, и мы со Стасом выскочили в свет прожекторов.

Да-а... Стоять за кулисами – это одно, а работать на сцене – совсем другое. Однако я понял, что Стас настроен также по-боевому, и мы, освещенные разноцветными пульсирующими фонарями, синхронно принялись отплясывать рэп. И получалось, между прочим, довольно недурно. Вообще-то когда-то, в глубоком детстве, мы занимались танцами, но что мы сможем сейчас чуть ли не профессионально выделять такие фортели, этого я не ожидал. Энергия зала и впрямь подпитывает и вызывает настоящее вдохновение!

Жили-были на свете два брата – Стас с Костей, —

«запели» мы, тыча пальцами сперва друг в друга, а затем в зал. —

И они, то есть мы, прилетели к вам в гости.
Показать вам, как стильнее стать и умней,
Как забить на условности глупых людей!

Все шло как по маслу. Зрители аплодировали в такт... Десять симпатичных полуголых девочек на заднем плане плясали и вставали в такие позы, что их и одних было бы достаточно, чтобы завести народ, тем более такой неизбалованный развлечениями, как этот. Я уже чувствовал себя так, словно тут на сцене и родился... Пока мы не дошли до последней строчки припева, который нам помогали петь ребята из «Наталипортман»:

И меркнет свет, в ночи текут ручьи в узор,
Ну, кто сказал, что энурез – «ночной позор», —

«пропели» мы, и в этот миг я краем глаза заметил, как из-за кулис с моей стороны высунулся Перескоков и вытянул руку с чем-то вроде телевизионного пульта. И тут же у меня между ног забулькало, и мощная струя облила три передних ряда зала. Нет! Две струи! Со Стасовой стороны выглянула плутовская рожа Шпулькина и его рука с пультом. Я глянул на Стаса. Он стоял с выпученными глазами, расставив ноги и выпятив живот, словно боялся испачкать колени, и поливал зрителей из «дистанционного мочеиспускателя», как из шланга.

Продюсеры исчезли, и наши струйки тут же иссякли. Мы снова стали танцевать и «петь». Но что-то было уже не так. Что-то подсказывало мне, что шоу пошло наперекосяк. И я понял, в чем дело. Зал перестал хлопать. Люди в передних рядах брезгливо утирались и морщились. Я подумал, что нужно как-то дать знать Перескокову, что номер не прошел, что больше его повторять не надо... Но как раз тут-то на сцену и прилетела первая бутылка.

Стукнувшись о дощатый пол, она разбилась вдребезги, и в воздухе отчетливо запахло сивухой. Мы продолжали «петь», но еще одна бутылка, не задев меня только чудом, пронеслась возле уха и влетела внутрь большого барабана, а другая угодила в софит, и сверху посыпались стекла и искры. Сразу стало сильно неуютно. Кто-то с первого ряда прорычал:

– Ах вы, сволочи столичные! Ишь, чего удумали!

– Нахалы! – вторил визгливый женский голос. – Бей похабников!

Через десять секунд в душном зале мало уже кого волновало наше музыкальное шоу. Мужики повскакали с мест и, держа в руках кто ножку стула, кто бутылку, ринулись к сцене. Бабы истошно вопили, а дети швырялись в нас всем, что попадалось им под руки.

– Костя, они не добрые! – крикнул мне Стас. И я понял, что он, наверное, прав. Неужели в эту глухомань песенки Леокадии еще не добрались? А ведь тогда мы этих людей кровно сейчас оскорбили. И они нас сейчас убивать будут... Надо делать ноги! Но именно они, эти самые ноги, перестали с перепугу слушаться меня, и я все продолжал прыгать под дурацкую музыку, улыбаясь приклеенной улыбкой.

Тут с первого ряда вскочил председатель Ядрышников, повернулся к зрителям и закричал:

– Спокойно, спокойно, товарищи! Ну, погорячились наши гости, ну, такие нынче в столице веяния! Давайте смотреть на вопрос ширше!

Но обиженные до глубины души колхозники не пожелали «смотреть на вопрос ширше» и, подмяв председателя под себя, полезли на сцену.

– Костя, блин! Бегом отсюда! – взвизгнул Стас и схватил меня за рукав.

Я тут же опомнился, и мы сломя голову бросились за кулисы.

Глава шестая.

Про страшный амбар и про поющие гранаты

Мы влетели в гримерку, и я захлопнул дверь. Тут отдыхали Самогудова, Лелик и Грелкин. Они вспоминали эпизоды своего выступления, давились со смеху и, похоже, находились в состоянии легкой эйфории.

– А я им, а я им, – уже почти шептала задохнувшаяся от хохота примадонна, – «конечно же, вы узнали нашего талантливого пародиста»...

– А они... А они... – вторил ей Грелкин, но ЧТО они, выговорить уже не смог и перепрыгнул на другое. – А Комбинезонов себя по лысине... – но и эту мысль закончить не сумел.

Что касается Лелика, то тот просто лежал животом на столе и только слегка подергивался, повизгивал и постанывал.

– Хватит ржать! – закричал Стас, как и я, отстегивая проклятый «пояс шахида» и швыряя его в угол.

– Вы почему покинули зрителей? – строго спросила певица. – Разве можно уходить со сцены до конца фонограммы? Вы что, хотите нам концерт сорвать?

– Он уже сорван! – выпалил я.

Тут в дверь раздался такой чудовищный удар, словно в нее врезался настоящий средневековый таран.

– Выходите!!! – слышалось из-за нее.

– Что значит «сорван»?! – воскликнула прима. – Вы видите, как вас любят! Одна песня – и ваши фанаты готовы сломать двери, чтобы с вами пообщаться.

– Дура! – заорал Стас. – Они хотят нас убить!

– Надо бежать через окно, – перешел я к конструктивному решению, – но сперва нужно забаррикадировать дверь. – Я вцепился в громадный шкаф, но не смог сдвинуть его с места. – Да помогите же мне кто-нибудь!

Но, кроме Стаса, никто и не шелохнулся. Дверь хрустнула под очередным могучим ударом, и со стен посыпалась штукатурка. Вдвоем мы все-таки придвинули шкаф на нужное место.

– Зачем это им нас убивать? – спросил Лелик, слегка придя в себя и повернув к нам малиновое от смеха лицо. – Мы же их кумиры, мы их фавориты и любимчики...

– Уже не любимчики! – выкрикнул Стас. – Сматываться надо!

– Открывайте, уроды московские! – донеслось из-за двери. – Открывайте, а то хуже будет!..

– Конечно, надо открыть! – воскликнул Лелик, садясь. – Общение со зрителем – часть нашего тяжелого артистического труда.

Раздался еще один удар, замок не выдержал, и выбитая дверь с грохотом уперлась в заднюю стенку шкафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.